

Сергей МАКСИМОВ

ЦЕПЬ ГРИФОНА

ВЕЛИКАЯ СУДЬБА РОССИИ

Сергей Григорьевич Максимов
Цепь грифона
Серия «Грифон», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5814940

Максимов, Сергей Григорьевич Цепь Грифона: [роман] : АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-077881-2

Аннотация

Сергей Максимов – писатель, поэт, режиссер, преподаватель Томского государственного университета. Член Союза писателей России, многократный лауреат фестивалей авторской песни.

История жизни офицера русской императорской армии, одного из генералов нашей Победы, хранителя тайны «золота Колчака».

Честь, верность долгу, преданность и любовь вопреки жестоким обстоятельствам и тяжким испытаниям. Смертельное противостояние «красных» и «белых», страшные годы репрессий, операции советской разведки, фронт и тыл.

Яркие, живые и запоминающиеся характеры, написанные в лучших традициях отечественной литературы.

Судьба страны – в судьбах нескольких героев...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Максимов

Цепь грифона

Часть первая

Глава 1

На чемоданах

1941 год. Сентябрь. Финляндия. Турку

После многодневных дождей по всей Финляндии установилась тёплая и ясная погода. Утро выдалось безветренным. Пронзительные, яркие лучи солнца касались верхушек деревьев. Золотая осень, особенно трогательная на севере, являла себя щедрой и буйной красой в лесах страны. Точно любуясь своим золотым и багряным нарядом, деревья смотрелись в зеркальную гладь озёр.

Хрустальной чистоты реки через перекаты и водопады несли к морю опавшие листья. Подтверждая народную примету о кровопролитной войне, ветви рябин готовы были обломиться под тяжестью красных ягод. Другой приметой увесистые ягодные гроздья предвещали необычайно холодную зиму. Два всадника, облачённые в костюмы для верховой езды, в этот утренний час подъезжали к охотничьему домику недалеко от загородной резиденции верховного главнокомандующего вооружёнными силами Финляндии барона Маннергейма.

– Странное дело, – размышлял вслух пожилой господин, сидящий на спокойном белом жеребце. – В молодости даже не задумываешься, что езда верхом есть некий труд, который требует немалых усилий. Первая своя собственная лошадь появилась у меня в пять лет. Подарил мне её мой крёстный – император Александр Третий. К ужасу моих родителей... Было это, страшно сказать, ещё в девятнадцатом веке. Не помню, рассказывал ли я вам об этом...

«Рассказывал. И рассказывал не один раз», – думая о своём, вспоминал Суровцев. Но ни словом, ни жестом не выдал своей осведомлённости.

– Государь был щедр и великодушен, когда дело касалось людей, которых он любил, – продолжал пожилой генерал. – И вот теперь я сажусь на коня с усилием. И с не меньшим трудом удерживаюсь в седле. С грустью отмечаю, что и барон уже не соответствует званию лучшего наездника империи. На русско-японскую войну, следуя традициям своих предков-рыцарей, он отправился с тремя лошадьми. Скаковой жеребец по кличке Талисман даже спас ему жизнь. Раненный, Талисман вынес барона с поля боя. В том бою погиб ординарец Маннергейма – граф Канкрин. Случилось это, подумать только, в феврале девятсот четвёртого года.

Бывший генерал свиты его императорского величества Николая II, генерал-лейтенант русского Генерального штаба Александр Николаевич Степанов, нынешний американский подданный Ник Стивенсон, точно подтверждал устоявшееся мнение о том, что пожилые люди очень хорошо помнят прежние времена, тогда как события вчерашнего дня совершенно не фиксируют в своей памяти. Так могло показаться стороннему наблюдателю.

– Завтра будете прогуливаться уже без меня, – слезая с лошади, вдруг объявил Степанов. – Мне пора возвращаться в Соединённые Штаты...

Они привязали коней к коновязи. По крутым, широким, деревянным ступеням поднялись на широкий балкон перед террасой охотничьего домика. Из-под козырьков жокейских шлемов смотрели на яркое солнце, поднимающееся над болотами и небольшими озёрами, простирающимися вдаль до леса почти у самого горизонта.

– Вы, голубчик, и раньше не отличались многословием, а теперь и вовсе превратились в молчуна. Вас что-то гнетёт? – спросил Степанов.

– Не успеваю обдумывать и усваивать информацию, – неопределённо ответил Суровцев. – Её слишком много. А ещё сегодня проснулся и осознал, что мысленно я уже в России. Кажется, что сама душа летает где-то там. Очень легко перемещаюсь в мыслях от блокадного Петербурга-Ленинграда к захваченному немцами Киеву. Там сейчас барахтаются в немецком котле несколько наших армий... Потом вдруг в одно мгновение перелетаю на дальние и ближние подступы к Москве. И, кажется, очень даже хорошо представляю себе, что сейчас творится где-нибудь под Можайском...

– И что же там творится?

– Вероятно, строится оборонительная линия...

– Признаться, все эти дни я ждал от вас этих или подобных слов, – в свой черёд признался Степанов, – и вот дождался. Вы приняли решение...

– Мне казалось в первые минуты нашей встречи, что вы с бароном Маннергеймом за меня всё решили.

– Мы, может быть, и решили, но без вашего намерения вернуться в Россию наши умозрительные заключения ничего не стоили.

– Разве что-то сейчас изменилось?

– Изменилось самым коренным образом. Именно в эти минуты... После вот этих ваших слов...

Русский разведчик с искренним удивлением посмотрел на Степанова.

– Я должен перед вами повиниться, – неожиданно признался пожилой генерал.

– В чём повиниться? – продолжал недоумевать Суровцев.

– Во многом. И прежде всего, говоря словами Маркса и Ленина, в своей классовой ограниченности. Вы помните историю с Распутиным?

– Какую из многочисленных историй вы имеете в виду?

– Я разумею ту, участником которой являлись лично вы... накануне убийства старца, – подсказывал Степанов, – когда вы совместно с полицейскими в одну ночь задержали шесть... Григориев Распутиных, которые на поверку оказались ряжеными...

– Вы мне приказали об этом забыть – я и забыл.

– Зато я забыть не могу. Вам сразу было понятно, что это значит. А мы с генералом Джунковским продолжали хлестать настоящего Григория по лицу при каждом удобном случае.

– Это неправда, – возразил Сергей Георгиевич, – мне совсем ничего не было ясно.

– В то время никому ничего не было ясно. Но вы единственный из всех указали, что деньги на свои представления артисты, исполнявшие роль Гришки, получали от англичан. Кто мне мешал понять, что свою функцию по дискредитации монархии бывший хлыст уже выполнил. Что главным на тот момент было его влияние при дворе, при котором он мог запросто вывести Россию из войны с Германией. Кто нам мешал додуматься, что это не устраивает прежде всего наших тогдашних союзников-англичан? Да Григория нужно было охранять и беречь, а не лупцевать при каждом удобном случае! А потом было то, что было... Русская контрразведка сработала из рук вон плохо. Мы оказались неспособны заглянуть дальше революционных партий, козней еврейских банкиров и масонских игр, которые оказались только ширмой истинных устремлений англосаксонского мира. Кстати, не забудьте,

спросите барона об убийце Распутина. Освальд Райнер до недавнего времени представлял в Финляндии «Дейли Телеграф».

– Очень интересно. Обязательно поинтересуюсь. Таким образом, Россия и Германия сейчас повторяют плохо выученный урок?

– Вы на редкость проникательны, молодой человек, – саркастично заметил Степанов, – надеюсь, у вас хватает дальновидности понять, к чему это может привести? Смелее, смелее проводите аналогии с войнами этого столетия. Начинайте с русско-японской войны. Перечислите её результаты. Вспомните результаты войны четырнадцатого-восемнадцатого годов. И смело прогнозируйте результаты войны нынешней. Тоже мировой, но в которой, теперь уже традиционно, по-настоящему, воюют только Германия с Россией. А победителями, тоже традиционно, окажутся англичане. В этот раз в компании с американцами. Вы только представьте себе: когда я в Порт-Артуре, а барон Маннергейм где-то под Мукденом получили по первому ранению, в Соединённых Штатах некий господин по фамилии Троцкий занимался ни много ни мало формированием групп революционных боевиков для отправки в Россию. Разумеется, не один он этим занимался... Компанию ему составляли весьма примечательные личности. Опять же представьте себе, сколько стоили такие, с позволения сказать, мобилизационные мероприятия! Причём переправка через океан нескольких сотен террористов – сущий пустяк... по сравнению с целыми пароходами, груженными оружием... Сколько пароходов было всего, наверное, мы никогда не узнаем. Русской полиции стало известно только лишь о двух, которые сели на мель в наших территориальных водах. Девятьсот пятый год опять же... Это тогда никто не мог понять, почему вдруг Петроградский совет в своих прокламациях призвал граждан обменивать рубли на золото? Сейчас, когда знаешь, что в совете верховодили Парвус и Троцкий, понимаешь, кто валил русский рубль... Я привёз с собой документы. Вам нужно будет передать их по назначению. Часть из них относится к роковому семнадцатому году. Банковские счета, расписки, доклады и отчёты этого периода – сущий Клондайк для будущих историков. А имена... Имена каковы! Там и Керенский, там и знакомые вам генералы. А Троцкий, так тот на каждой странице, через каждую вторую строку.

– Ваше превосходительство, я не думаю, что перечисленные факты нашей, теперь далёкой, истории сейчас кому-то в России интересны.

– Не спешите с выводами. Деятельность только одного послереволюционного Коминтерна ещё ждёт своего Александра Дюма. Есть очень любопытные документы совсем недавнего времени, касающиеся бывшего наркома иностранных дел, нынешнего советского посла в Штатах Литвинова. А если знать, что отправкой пароходов с оружием во времена Первой русской революции вместе с Троцким занимался именно Литвинов, то картина просто потрясает своей запутанностью и размахом. И тут уже не Дюма... тут требуется гений Льва Толстого, чтобы совладать с истинным и трагедийным масштабом событий.

Суровцев не был потрясён информацией, только что озвученной Александром Николаевичем. Потому вполне искренне поинтересовался:

– А почему это должно быть кому-либо сейчас интересно? Свергать большевиков в России никто не собирается. Некому. Прямо скажем, и не время. Немцы к Москве подходят. Троцкого, насколько я знаю, тоже нет в живых.

– Вы правы, голубчик. Факты нашей, как вы изволили выразиться, далёкой и нынешней истории слишком противоречивы, чтобы их охватить одним взглядом. И самое противоречивое то, что Россия опять стала империей, и то, что Сталин давно контрреволюционер. Вам трудно это понять, находясь внутри, фигурально выражаясь, явления...

Удивление на лице Суровцева от такого заявления генерала никак не проявилось. Но мыслительные процессы в считанные секунды приобрели невиданные прежде скорость и направление.

– Да-да, – точно подталкивал его в спину Степанов. – Сталин – самый настоящий контрреволюционер. И в его охоте за истинным революционером Троцким я, как истинная контра, был полностью на стороне главы советского государства, – рассмеялся он.

– А кто тогда, по-вашему, Гитлер? – не принял шуточный тон Степанова Суровцев.

– Вы и сами в состоянии ответить.

Сергей Георгиевич молчал.

– По формальным признакам Гитлер тоже контрреволюционер, – наконец произнёс Суровцев.

– Гитлер – идиот, – безапелляционно, с неожиданным раздражением заявил Степанов. – Только идиот, получая деньги из того же кошелька, что и Троцкий, может считать, что он борется с революцией! Только идиот может думать, что англосаксонский мир помогает создавать великую Германию исключительно из любви к немецкой нации. А уж за месяц предупредить англичан о том, что он собирается напасть на Россию, мог только самый последний из ряда идиотов! О полёте Гесса через Ла-Манш вы знаете?

Суровцев утвердительно кивнул. Задумчиво проговорил:

– Я не понимаю логики событий.

– А вы попробуйте взглянуть на ситуацию саркастически. Хотя бы допустите, что Гитлер выведен англосаксами как достойная замена Троцкому для дальнейшего расшатывания и туземизации современного мира. А поскольку вы сами имели дело с золотом, то остальное вам будет очень понятно... Как капризный подросток, фюрер заметил, что и ему неплохо бы было иметь золотой запас, который из Германии буквально вымели после немецкой революции. И пока его политические папы думали, как им удовлетворить, в общем-то здравые, амбиции и потребности дитяти, быстро прибрал к рукам не только золотой запас Чехии, предложенной ему для этой цели по Мюнхенскому сговору, но и золото Австрии. А потом и Польши, и Франции. Своенравный отпрыск ещё и надавал бомбардировками туманов одному из родителей, чтоб тот почувствовал возросшие юные силы. А когда «пошаллил» вволю, послал через Ла-Манш самолётом своего дружка – душку Гесса с целью повиниться в проказах и сказать, что тайные договорённости против СССР остаются в силе. Не на тех напал. Строгие и справедливые родители решили примерно проучить неслуха. И сидит теперь Гитлер в Берлине, который русские уже бомбили, и глядит на новенькие золотые часы. И познаёт истинную цену и золоту, и соотношению драгоценного металла со временем и пространством, которое выдавливает его в небытие, – закончил свой монолог Степанов.

Суровцев почувствовал себя незадачливым слушателем дореволюционной Академии Генерального штаба, который не был готов к семинару генерала Степанова. К тому же слишком долго соображал... Воспоминания из прошлого и вид неожиданно помолодевшего, разгорячённого Степанова заставили его улыбнуться.

– Что такого смешного, позвольте узнать, вы находите в моих словах? – тут же поинтересовался Александр Николаевич.

– Почувствовал себя поручиком на вашем семинаре в академии.

– Уже больше двадцати лет вы генерал. Так извольте соответствовать вашему чину. Превосходительство – значит многократное превосходство над окружающими. К сожалению, многие наши генералы никогда не задумывались над этим. А вы подумайте... И, главное, будьте любезны, превосходите окружающих не только чином, но умом и знаниями. Превосходите, ваше превосходительство! В том числе умением обращаться с тайнами, которые не всегда можно доверить даже полковнику. Вы, кстати говоря, не выдержали экзамен по стратегическому планированию. Я так и не услышал вашего ответа на мой вопрос: почему Сталин до последнего времени держал на границе с Ираном две советские армии? Ещё и третью сформировал... Почему в спешном порядке для усиления московского направления он перебрасывал и продолжает перебрасывать сибирские дивизии, тогда как пока не тронул

ни одной своей дивизии из южных округов. Что советские войска сейчас делают в Иране? Молчите?

– Неужели существовала опасность нападения Англии на советские нефтяные промыслы на Кавказе и в Азербайджане?

– Ну вот, наконец-то, – вздохнул Степанов. – Это – аксиома. Где нефть – там британские интересы. Сейчас англичане стали дальше от советской нефти почти на полтысячи километров. Сталин – великий политик. Единственное, что он не мог предположить, – так это то, что в случае с Гитлером имеет дело с идиотом. На каком бензине, интересно, тот собирается воевать?

За месяц пребывания в Финляндии Суровцев узнал столько, сколько не узнавал за последние двадцать лет своей непростой жизни. Военная наука за эти годы развивалась семимильными шагами. Но это не сильно его и пугало. Начав восстанавливать свои военно-академические знания ещё в России, он достаточно просто завершил этот процесс здесь. У него даже возникло желание попросить проэкзаменовать его. И действительно, он вдруг со всей очевидностью и отчётливостью понял, что теперь ему меньше всего нужно подтверждать свои познания перед кем бы то ни было.

Он не сразу осознал эту внутреннюю перемену. А когда осознал, то не в шутку загрустил. Более чем через двадцать лет после присвоения ему звания генерал-майора, только сейчас он действительно внутренне ощутил себя генералом. Двадцать шесть лет, понимал он, совсем не генеральский возраст. Тогда звание было бесспорно заслуженным, но всё же преждевременным. Только теперь, в свои только что исполнившиеся сорок восемь, он внутренне стал соответствовать высокому военному чину. Именно это звание генерал-майора, присвоенное после боёв под Пермью в 1919 году Колчаком, подтвердил месяц тому назад сам Сталин. И если бы только подтвердил! Он присвоил ему звание очередное.

Исчез, будто никогда его не было, белогвардейский генерал-майор Мирк-Суровцев, более известный в колчаковской армии как генерал Мирк. И как будто всегда был генерал-лейтенант Красной армии Суровцев. К тому же бывший будённовец. Но самое странное в его биографии то, что к государственным и политическим тайнам он волей судьбы был причастен с молодых лет. Несмотря на это смог уцелеть и выжить. Скорее всего, именно благодаря этому, а не вопреки, он до сих пор и оставался жив. А ещё он подумал о том, что повинился Степанов весьма своеобразно – отчитал неизвестно за что. Ещё и лекцию прочёл.

– Пора назвать вещи своими именами, – продолжал пожилой генерал. – Вся идейная мишура из партий и революционных течений призвана скрывать прагматичные цели международной политики. И три наши революции – лучшая иллюстрация устранения с международной арены опасных конкурентов. Это очень точное определение – арена. Где теперь, ответьте мне, эти два гладиатора – русская и немецкая монархии?

– Но, ваше превосходительство, Александр Николаевич, Сталин не хуже нас с вами знает, кто и сколько вкладывал средств в обе наши революции и переворот.

– Вы становитесь проницательны, – сказал с иронией Степанов. – Только одно дело знать, а другое дело видеть и понимать современное проявление прежних, англосаксонских устремлений. И уж совсем другое дело – иметь на руках документальное подтверждение о финансировании твоего нынешнего врага. К этим документам я прилагаю другие. Те, которые касаются американского атомного проекта. К моему сожалению, последних не так много. В чём Сталину действительно не позавидуешь – так это в том, что, в отличие от нас с вами, он не может во всеуслышание называть вещи своими именами. Я любопытствовал, как характеризуют троцкизм в Советском Союзе. Какая-то бесформенная дребедень о мелкобуржуазном течении в марксизме. И это якобы течение, вдобавок ко всему, стремится

почему-то к мировой революции. Бред какой-то! Впрочем, это достигает своей цели. Известный вам Вальтер прямо докладывал из Берлина, что Гитлер и его сотоварищи воспринимают сталинскую борьбу с троцкизмом как тайную борьбу с послереволюционным еврейским засильем в России.

– Со стороны наш разговор, вероятно, выглядит как разговор двух сумасшедших, – заметил Суровцев.

– Удивляться нечему. Мир давно сошел с ума и мы вместе с ним...

За спиной генералов скрипнула дверь, и на балкон вышел финский офицер с Крестом Маннергейма второго класса на груди. Это был Николай Трифонов. Русский по происхождению. С недавнего времени помощник и радист Суровцева.

– Доброе утро, – предупреждая возможный доклад, поздоровался Сергей Георгиевич.

– Доброе утро, – совсем не по уставу поздоровался Трифонов.

– Вы опять со своим традиционным завтраком? – спросил Степанов.

– Так точно, ваше превосходительство, – доложил офицер.

– Ну что же, пора возвращаться к западным привычкам. Вы и представить себе не можете, как это здорово не завтракать по утрам, пропускать обязательный ленч, иногда вместе с ним и обед. Потом щедро, по-русски откусать всё сразу – и завтрак, и обед, и ужин. И непременно на ночь глядя. И совершенно не заботиться, что от этого вырастает живот. Сейчас идём, голубчик. Вы, я вижу, тоже не особенно привыкли есть по утрам, – заметил он Суровцеву.

– Но живота нет, – улыбаясь, заметил Сергей Георгиевич.

– В ваши годы и у меня не было...

– Должен признаться, привычка не завтракать появилась у меня с тех пор, когда я жил у вас на квартире. В то благословенное время, когда я был слушателем Академии Генерального штаба, а Ленинград назывался Петербургом.

Солнце наступающего дня оказалось не только ярким, но и неожиданно тёплым. Бесцветное, белёсое утреннее небо становилось голубым. Казалось, прямо на глазах желтизна осенней листвы перекинулась на хвою лиственниц. Зелень елей и сосен на основном золотом фоне леса казалась более глубокой и тёмной. Проснулись и неожиданно, совсем не по-осеннему, заявили о себе птицы. Генералы, не торопясь, возвращались с утренней прогулки, осыпаясь падающей сверху листвой.

– Что касается ценностей, сохранённых вами от революционного разграбления, – продолжал начатый за завтраком разговор Степанов, – их, конечно, нужно вернуть истинному хозяину. Советское правительство, вот увидите, в самое ближайшее время неминуемо откажется от оплаты поставок по ленд-лизу золотом. И это будет правильно. Пусть берут долговые обязательства. Пусть не скупятся на обещания, но ни одной унции за пределы страны... Золото будет очень нужно после войны! Как это ни странно звучит, но русский клуб в этом вопросе абсолютно уверен в Сталине.

– Ваше превосходительство, я не могу вас не спросить, – осторожно произнёс Суровцев.

– Спрашивайте.

– Ваш визит в Финляндию, как вы говорили, санкционирован на самом высоком уровне. В связи с этим у вас неминуемо возникнут сложности по вашему возвращению в Америку. Вы не опасаетесь, что попадёте под подозрение как русский агент?

– Сейчас нет. У меня было задание не позволить начаться сепаратным переговорам между СССР и Германией. И на Британских островах, и за океаном очень опасаются, что война прекратится. Не для этого они Гитлера выкармливали и выращивали. И вот переговоры не состоятся. Другое дело, что причина этого безумие Гитлера, но никак не воплощён-

ная воля Запада. Мы же с вами не будем докладывать англичанам и американцам, что их логика по очередному стравливанию двух великих европейских народов Москвой прочитана и расшифрована. А чтобы Москва имела современное понимание ситуации, я и тащил этот чёртов чемодан с бумагами через океан. И эти документы сейчас очень пригодятся в России. Особенно те, что касаются атомного проекта. У меня традиционно большие сложности с нашей белой эмиграцией. Кстати, не забудьте передать, что золотой запас белогвардейцев хранится в Евробанке, в оккупированном немцами Париже. Вот такие интересные политико-экономические казусы иногда случаются. Настоящие сложности у меня начнутся сразу, как только Гитлер станет получать в России по сусалам. Когда русский солдат вступит на землю первого соседнего европейского государства, тогда и начнутся у меня сложности в Америке. Меня начнут подозревать во всех грехах сразу. Но до этого ещё дожить надо. А России сейчас нужно выстоять.

Остаток дня Суровцев занимался уборкой в библиотеке: удалял закладки из книг, возвращал на книжные полки справочники и словари, свернул несколько оперативных карт, уложил их в папки, затем сунул папки в отдельный портфель. Портфель занял своё место вместе с другими такими же портфелями в большом чемодане. Сложил на одном огромном столе подшивки немецких газет за последние два десятилетия. Получилось нагромождение почти в человеческий рост. Но горы подшивок теперь не казались пугающими и огромными. Он если и не стал понимать, какая на самом деле нынешняя Германия, то уж точно понял, что можно в дальнейшем ожидать от этого государства.

Когда покончил с общедоступными печатными источниками, отправился к несгораемому шкафу с документами. Отворил толстые створки. Долго смотрел на многочисленные корешки. Точно прощался. Забрал с верхней полки одну из папок весьма внушительного размера. Закрыл шкаф. Подошёл к камину. Чиркнул толстой и длинной каминной спичкой. Подождал, когда пламя разгорится. Сел рядом на стул и принялся читать.

Странное это было чтение. Он прочитывал лист, часто исписанный с двух сторон. Несколько секунд смотрел на огонь, точно повторяя про себя только что прочитанное. Неторопливо подносил лист к пламени. Едва бумага вспыхивала, брал следующий документ из папки и достаточно быстро пробежал его глазами. Снова переводил взгляд на огонь, в котором сгорали ровные строчки записей, написанных его ровным, красивым почерком штабного офицера. Снова краткий путь руки с бумагой к пламени. И вот уже новый исписанный лист замирал в руке.

Суровцев уничтожал свои собственные записи и пометки. Впервые в жизни в эти осенние дни он усомнился в свойствах своей памяти. Нет, он по-прежнему легко всё запоминал. Но объём информации был таков, что нечего было и думать запомнить всё без системы. Нужно было ещё осмыслить прочитанное и изученное. Сказывались и многолетняя отстранённость от военной профессии, и почти четыре года заключения в советской тюрьме. К тому же с отсрочкой исполнения смертного приговора. А ещё насколько хорошо он усваивал темы военные, настолько тяжело давались ему темы другие...

Прошедшим летом, готовясь к заброске в Финляндию, в лагере для немецких военнопленных он впервые увидел эсэсовцев. Этих высоких, широкоплечих, белокурых молодых людей в чёрной и серой военной униформе было немного. Сначала он готов был считать их за обычных современных немецких гвардейцев. Ничего, казалось бы, особенного. В условиях теперешних войн гвардейский рост и физическая сила не спасают от уничтожения. В прошлой русско-германской войне рослую русскую гвардию практически уничтожили за один четырнадцатый год. Но всё оказалось намного сложнее...

Во-первых, держались эсэсовцы нарочито обособленно. А во-вторых, обычные армейские немецкие офицеры смотрели на них со смешанным чувством страха и брезгливости. Самое странное то, что этих воинов воспринимали как зримое и явное проявление новой немецкой идеологии, о которой, как оказалось, в советской России мало что знали. Но что значили все эти средневековые руны на петлицах? Какими путями перекочевали на нацистские флаги и нарукавные повязки древние свастики? Это было для него непонятно и труднообъяснимо. Интересное дело, в Красной армии были части, в которых нарукавный шеврон имел свастику. В составе войск Юго-Восточного фронта красных была дивизия, состоявшая из калмыков, которая имела почти такой же отличительный знак на рукавах формы.

Он пытался понять логику нацистов: почему, наследуя масонскую символику в обрядах, они, не без оснований, в бедах, постигших Германию в результате Первой мировой войны, столь яростно винят масонов. Борются с масонством как таковым и при этом не отказывают себе в удовольствии копировать их обряды. «Прежнее масонство Гитлер считал выродившимся, полностью попавшим под влияние мирового еврейства, прежде всего в финансовой его составляющей», – делал он вывод из прочитанных немецких газет. Не без того.

В свете сегодняшнего разговора со Степановым становилось понятно, что гитлеровцам просто была нужна своя идеология. «Особенно им было и не важно, какой она получится. Главное, чтобы она была только своей, отличной от других. Должна быть враждебной и нетерпимой ко всем прочим, существующим в мире», – кажется, соглашался он со Степановым.

Необъяснимое прежде перерождение протестантской, достаточно спокойной и патриархальной, иногда пуританской, Германии в бурно развивающуюся, насквозь военизированную страну, за два года поработившую почти всю Европу, Суворцеву теперь не казалось загадочным.

Работая с секретными документами разведывательного управления Генерального штаба Финляндии, он с удивлением отметил, как традиции тайных средневековых обществ языческой направленности перекочевали в немецкие тайные организации новейшего времени – Арманеншафт, Арманенорден, орден Восточного храма и общество Туле. Затем все они составили новый орден – Германенорден. Затем в недрах Германенордена выросла политическая партия НСДАП. И вот уже партия создала специальные охранные отряды, которые через короткое время превратились в СС.

Секретные документы точно поясняли события, освещённые в прессе. Газеты в свою очередь иллюстрировали воплощение неясных и туманных понятий в жизнь. В 1933 году в Мюнхене состоялась выставка под названием «Аненербе», или «Наследие предков». Публика знакомилась с любопытными экспонатами – с руническими письменами, собранными в разное время в Палестине, в Альпах и в пещерах Лабрадора.

Организатор выставки Герман Вирт датировал их возраст в двенадцать тысяч лет. С этого момента в Германии всерьёз заговорили о нордической расе и праистории арийцев. И уже создаётся организация «Аненербе». Сначала как учебно-исследовательское общество по изучению истории арийцев. Через четыре года уже окрепшее, мощное СС включает «Аненербе» в свой состав. А всё его руководство отныне входит в состав штаба рейхсфюрера СС Гимлера. И над этим можно было бы потешаться, если бы с 1940 года в составе «Аненербе» не заработал институт прикладных научных исследований, который почему-то слился с институтом генетики растений, обзавёлся отделением математики, экспериментальными лабораториями по изучению пектрина, рака, лабораторией по изучению влияния низких температур на человека. А ещё открыл отдел по исследованию проблем химической войны.

Вот что там, у них в Германии, произошло за последние два десятка лет, – смутно, но и тревожно понимал Сергей Георгиевич, но с трудом понимал, что произошло в головах целого поколения немцев.

Не вникая в тонкости гностических учений, он определил духовное наполнение фашизма именно как язычество. То, что немцы склонны к мистике, он знал, – но как, почему протестантская страна так быстро стала языческой? То, что гностицизм от греческого *gnosis*, ему было известно ещё с уроков латыни в кадетском корпусе. Но если перевести буквально гностицизм, то получится «знающие».

Словом, «слишком умные», как говаривал когда-то его подчинённый, а затем соратник и товарищ капитан Соткин. Гностицизм он понимал, скорее, как солдат: ни то ни сё, ни рыба ни мясо... Скорее, сектантство, чем религия. Но как и почему сектантство стало основой государственной политики, он мог теперь и понять, и объяснить. «Хотя если политические партии рассматривать как гностические секты, то всё очень даже понятно и объяснимо», – всё же делал он свой горестный вывод. «Интересно девки пляшут», – ещё говорил в подобных случаях Соткин.

«Кто бы мог подумать, что в двадцатом веке окажется востребованным язычество в самом худшем своём проявлении! Но, с другой стороны, чему удивляться? Гностицизм в течение тысячелетий существовал параллельно с мировыми религиями и, кажется, только ждал своего часа. Секты и тайные общества традиционно претендовали и претендуют на обладание высшей истиной. Свой неопределимый вклад в дело разгула гностицизма внесли и русские знатоки тайных знаний. Тайная доктрина мадам Блаватской вооружила нацистов куда серьёзней, чем философия Ницше. Коммунизм, – казалось теперь Суровцеву, – по сути, тоже гностическое явление и учение».

«У немцев идеология выстроилась по признаку национального превосходства и законам борьбы видов и наций. У русских по признаку якобы классового превосходства пролетариата и по законам классовой борьбы. На государственном уровне и там и у нас гностицизм воплотился в тоталитаризм. И опять не обошлось без умных соотечественников. На этот раз русский философ Николай Бердяев давал чёткое определение: “Тоталитаризм – есть ложная реализация религиозных потребностей”. Вот они и реализовались в России и Германии. Различные и схожие одновременно. И чего, – спрашивал себя Суровцев, – им враждовать?»

Всё новые и новые листки из папки отправлялись в огонь. «Язычество в русском языке имеет ещё одно название – чертовщина. И чему, спрашивается, удивляться! В русской дореволюционной жизни верхи до последней степени заигрались в чертовщину. В искусстве и литературе царил модерн, символизм, футуризм, другие “измы”. В политике разнообразные социализмы. Что это такое, если не ренессанс язычества и не чертовщина?» – спрашивал он себя. «А что касается современных России и Германии – не должны они были воевать друг против друга. Они в гностической, партийной, составляющей скорее близкие родственники, чем враги», – казалось ему. «Но случилось то, что случилось. И теперь выиграет тот, кто хотя бы частично откажется от чертовщины гностических учений», – делал он свой вывод. «Наверное действительно, советское руководство потому и ошарашено войной, что не могло даже предположить, что Гитлер, помня об итогах Первой мировой войны, свяжется с Россией. Что он, не знал, не помнил итоги предыдущей войны, когда Россия с Германией воевали-воевали и довоевались до революций? А разжиревшая на поставках Антанта объявила потом мир. Что касается нападения Гитлера на СССР, – совсем был уверен Суровцев, – никто не отменял закона, открытого русской контрразведкой, но так и не востребованного царской властью. А он, этот закон, прост и понятен любому человеку. Политики склонны жить не по средствам. И когда они не в состоянии платить по счетам, кредиторы требуют от них военных действий в счёт погашения долгов.»

Сегодня Степанов говорил о попытке обрушения финансовой системы России Петроградским советом. И Франция тут же дала займ. Из-за которого Россия оказалась в Антанте и выступила против Германии. Так было раньше, так происходит теперь и, вероятно, будет и в будущем. Правда, есть ещё и уголовные традиции, о которых забывают кредиторы. Должник может решить, что проще уничтожить давшего в долг, чем возвращать деньги», – делал он ещё один странный и горестный вывод о Гитлере, напавшем сначала на Англию. «И в этом он не такой уж сумасшедший, как утверждает Степанов», – был уже совсем убеждён Сергей Георгиевич.

Последние бумаги этого тайного и объёмного конспекта были сожжены. Отправилась в огонь пустая папка. Качественный картон долго не желал гореть. Он весь обуглился, сморщился, цвет его из тёмно-зелёного стал синим. Наконец папка сразу вспыхнула и за секунды превратилась в сизый рассыпающийся пепел. В дверь постучали. Суровцев, всегда работавший при закрытых дверях, окинул помещение взглядом. Не нашёл ничего, что не следовало бы показывать посторонним. Открыл входную дверь. На пороге стоял Трифонов.

– Разрешите, ваше превосходительство?

– Проходите, Николай.

– Мне необходимо подготовиться к радиосеансу с Москвой.

Радиодело давалось Трифонову с трудом. Если шифровал радиogramмы он достаточно быстро, даже бойко, то передавал пока крайне долго и неуверенно. Поэтому приходилось тренироваться и репетировать перед каждым выходом в эфир. Чтобы потом, когда будет дорога каждая секунда, повторить радиogramму без единого сбоя.

– Присаживайтесь. Записывайте, – приготовился диктовать текст радиogramмы Суровцев.

– Я готов, – присев за один из столов, доложил офицер.

– Возвращаюсь один. С багажом. Способ прежний. Жду координаты. Грифон, – отрывисто продиктовал разведчик.

– Таким образом, я остаюсь в Финляндии? – подняв глаза, спросил офицер.

– Думаю, что вам на вашем веку ещё хватит путешествий, – неопределённо ответил генерал.

Уже давно ушёл радист. Суровцев отложил в сторону случайно попавшийся ему на глаза сборник новых немецких военных маршей. «Надо будет вечером проиграть, – подумал он. – Под какую музыку, интересно, теперь марширует немецкая армия?» Сидел за письменным столом и думал о своём непрестом нынешнем положении. Откинувшись на удобном стуле с подлокотниками, неотрывно глядел на никелированный поднос, на котором во время работы сжигал мелкие пометки и выписки из книг и документов. Рука потянулась к стопке чистой бумаги. Открыл крышку чернильницы на письменном приборе. Взял в левую руку перьевую ручку. Макая перо в чернила, медленно записал собственное четверостишие, только что пришедшее на ум:

Мечты взлетали высоко...

Был добрым и беззлобным малым...

Как было на душе легко,

когда я не был генералом...

Рука опять и опять тянулась к бумаге. Забытое, смутное и бесформенное чувство возникло в душе и вызвало никем до конца не понятую реакцию в сознании. И вот неспешный

поток этого сознания стал вести пером, и на бумагу сразу, без единой поправки, легли новые стихотворные строки:

*Имея добродушный нрав,
смотрел восторженно на небо.
И поражала зелень трав,
когда я генералом не был.*

«Пожалуй, что и хорошо», – подумалось ему. «И насколько хорошо, настолько никому не интересно, кроме меня самого», – продолжил он собственную мысль. Но отказать в себе в удовольствии отдохнуть от надоевших забот он не мог и продолжил оказавшееся приятным занятие – играть словами. Скомкал ещё один лист с написанными четверостишиями и бросил их на поднос. Встал из-за стола. Хотел продолжить уборку в кабинете. Но понял, что всё, что нужно было убрать, уже убрано или возвращено на прежние места.

Снова оказался за письменным столом. Взял новый чистый лист. Записал и недовольно смял написанное. Опять бросил на поднос. Потом ещё достаточно долго писал. Опять сминал и бросал. «Ну вот, кажется, и отдохнул», – подумал он. Поджёг смятые комки бумаги, до этого только что переставшие быть просто бумагой.

На подносе сгорали стихи. Вместе с небольшим пламенем они точно переходили в другое, неведомое людским чувствам и разуму, пространственное и временное измерение. Они запомнились. Запомнились машинально, без малейших к тому усилий. Стихи просто помогли что-то понять и потому должны быть уничтожены. Как до этого после работы с книгами и документами уничтожались его заметки для памяти. Сгорали строки, которые никогда и никому не будет суждено прочитать:

*Перед прицелом паучка
в росе блестела паутинка,
и в синем небе облачка
просились точно на картинку...
Теперь верста куда длинней...
Туманен смысл и ниже небо...
Мне не вернуть тех честных дней,
когда я генералом не был...*

*Снег тёплым не был и тогда,
и зной не путал я с прохладой.
Но в те прозрачные года
мне было ясно, как жить надо.
Был тот же дождь и тот же град
и кровь была такой же алой,
но дню любому был я рад,
когда я не был генералом...*

Глава 2 Почти бандиты

1920 год. Апрель. Томск

В первых числах апреля 1920 года двадцатисемилетний генерал Мирк-Суровцев и капитан Соткин находились в Томске. Необходимо было уничтожить документы штаба армии генерала Пепеляева. В суматохе декабрьской эвакуации на это не хватило ни времени, ни сил. То, что красные эти документы ищут, было совершенно очевидно. Как было очевидно и то, что ищут их, руководствуясь не вопросами военной истории, а вопросами жгучей мести и скорой расправы.

Приказы, распоряжения, доклады и рапорты содержат информацию о людях. Наградные списки штаба армии лучше любого доносчика могли растолковать степень опасности того или иного человека для новой власти. Было и другое дело. Столь важное и секретное, что о нём они даже не разговаривали. Им нужно было проконтролировать сохранность тайных закладок более тонны золота – части золотого запаса бывшей Российской империи. Теперь это золото называли не иначе как золотом Колчака.

Этот старенький домишко был предусмотрительно приобретён Соткиным накануне оставления Томска белыми частями. Дом находился рядом с Иоанно-Предтеченским общежительным женским монастырём и кладбищем. При нехватке свободного жилья пришлось его сдавать, чтобы во время их отсутствия кто-нибудь не захватил в собственность.

Александр Александрович Соткин поступил в этом случае оригинально и неожиданно даже для Суровцева. Перед отступлением он сдал дом цыганской семье. Точнее сказать, пустил жить бесплатно. «Попробуй с цыгана деньги взять», – ещё и посетовал он. Цыгане, чьи кочевые маршруты были нарушены гражданской войной, зимовали здесь. Теперь же с наступлением весны они снова сбились в табор и отбыли в неизвестном направлении. Так или иначе, но в течение всей зимы никто их не «уплотнял», как коренных жителей. Не нашлось и желающих самим подселиться к цыганам.

Но была у дома ещё одна особенность, не известная ни квартировавшим цыганам, ни даже соседям. Погреб в доме имел тайный лаз. И был соединён с целой системой подземных ходов монастыря и подземным ходом под улицей. Там и пролежали всю зиму документы белогвардейской армии.

Вчера Соткин явился в начале ночи. Притащил два бидона керосина.

– Вот, ваше превосходительство, получите, – ставя на пол бидоны, отчитался Соткин. – Если бы не Ахмат, не знаю, где бы и нашёл.

Бывший управляющий купца Кураева татарин Ахмат был третьим человеком, имевшим прямое отношение к укрываемому золоту.

– А я, как видишь, остальную макулатуру из подземелья перенёс, – указал Суровцев на огромную, до потолка, груды, состоящую из многочисленных папок, топографических карт и других разрозненных бумаг штаба армии.

– Тётушки завтра вечером ждут к ужину. Продукты я им забросил, – продолжал отчитываться Соткин. – Про вашу бывшую невесту я не спрашивал. Они вам всё сами расскажут. Так что делаем дело и уходим. Да, вот ещё что, – доставая из внутреннего кармана солдатской шинели листовку, спохватился он. – Читайте! По всему городу новая власть воззвания расклеила. А то мы с Ахматом всё в толк не могли взять, отчего большевики такие ласковые

с нашим братом стали. Всю зиму расстреливали почём зря, а то вдруг уцелевших офицеров бросились искать и привлекать на службу. Война ещё одна, ваше превосходительство! И мобилизация...

– Какая ещё война?

– С Польшей, – коротко ответил Соткин и протянул Суровцеву листовку.

«Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России, – прочёл генерал заголовков при тусклом свете керосиновой лампы. Стиль листовки был кондовым, а смысл путанным: – Товарищи! В то время, когда свободный польский народ изнывает под игом мирового капитала, польские захватчики и интервенты грозят молодой народной власти и Советской Республике. Все на защиту Социалистического Отечества и Родины! Все на польский фронт!».

Сергей Георгиевич никак не мог связать воедино противоречащие друг другу фразы «свободный народ Польши» и «польские интервенты». Так же в его понимании не укладывались понятия «социалистическое отечество» и «родина» в одном контексте. Но речь шла о польском фронте, и это ясно указывало на то, что дело обстоит самым серьёзным образом.

– Так что, большевики объявили мобилизацию? – спросил он Соткина.

– Официально нет. Но какие части в городе есть, те не сегодня завтра отправляются на этот самый польский фронт. А наши пепеляевцы, какие в городе, добровольно, косяком сами прут в Красную армию. Всех записывают. Особенно зовут офицеров, каких не добились. Никому не отказывают.

– А ты, Саша, что об этом думаешь?

– Я думаю, что захочешь жрать – и воевать пойдёшь. Даже побежишь. Голодно в Томске. Ну а вы-то сами, что думаете?

– Я думаю, что теперь самый удобный способ добраться до своих – это вступить добровольно в Красную армию.

Соткин ничего не ответил. Суровцев тогда не придавал этому молчанию никакого значения. Всё разъяснилось на следующий день. Несмотря на риск, пришлось выйти из своего убежища вдвоём. Вышли, и сразу же последовало кровавое происшествие, оставившее тяжёлый след на душе и совести обоих героев.

После снежной и морозной зимы даже апрель был похож на холодный сибирский март. Но, несмотря на лёгкий морозец, запах весны уже растворился и уверенно жил в вечернем воздухе. В нарушение всех правил конспирации капитан Соткин, не оглянувшись по сторонам, перешёл улицу. Вдоль чугунной ограды он почти дошёл до следующего перекрёстка. Вдруг остановился и закурил. Обернулся. Нагло улыбаясь, застыл в ожидании Суровцева.

Договорённости о контакте не было. До дома, где они скрывались от красных, оставалось пройти всего лишь два квартала. Нарушитель конспирации и воинской дисциплины, Соткин стоял, курил и вызывающе улыбался, вместо того чтобы идти вперёд и проверять, всё ли благополучно впереди.

Переходя в свой черёд улицу, Суровцев боковым зрением увидел в конце её красноармейский патруль. «Правила конспирации написаны кровью», – точно сама кровь из тела толкнула эту фразу в голову генерала. Неповоротливые слова свинцовой тяжестью осознания растеклись в висках, не давая свободно двигаться мыслям.

Он шёл к Соткину и по мере приближения видел, как меняется лицо капитана. Тот продолжал улыбаться, но улыбка уже превращалась в гримасу. Рука с папиросой замерла у помертвевших губ. Увидев выбегающих из-за поворота красноармейцев, Александр Александрович теперь судорожно соображал, что ему делать и как поступить. Патруль между

тем, сдёргивая с плеч винтовки, бежал вслед за Суровцевым. Поравнявшись с товарищем, молодой генерал, не останавливаясь, пошёл дальше.

– Стой! Стрелять будем! – кричали вслед переодетым белогвардейцам патрульные.

В морозном, несмотря на весну, воздухе жутковато хрустели по снегу и наледи шаги бегущих людей.

– Не оборачиваться, – спокойно, вполголоса проговорил Суровцев. – Сейчас обгоняешь меня, достаёшь оружие и ждёшь за углом этого дома, – показал он рукой вперёд на здание красного кирпича. – Я их выведу на тебя. Их четверо. Двое слева – твои... Двое справа – мои...

Теперь Соткину ничего не нужно было объяснять во второй раз.

– Есть! – ответил капитан и лёгким бегом, ритмично хрустя по снегу подошвами офицерских сапог, стал обгонять генерала.

Суровцев неожиданно для преследователей вдруг захромал на правую ногу, не замедлив, впрочем, скорости движения.

– Стой, сучары! – кричал один из бегущих следом красноармейцев.

Соткин уже скрылся за углом здания. Перекрёсток и прилегающие улицы были пусты. Ни единого прохожего. Лишь одинокий пешеход, до которого долетели выкрики патруля, поспешно свернул во двор двухэтажного особняка в конце одной из улиц. В руках убегающего человека Суровцев успел разглядеть небольшую доску. Видимо, от забора.

За одну только зиму 1919–1920 годов в Томске исчезли все деревянные изгороди и почти полностью были вырублены парки и скверы. Дрова стали непреходящей ценностью. Чтобы перейти с улицы на улицу, теперь почти никогда не надо было идти до перекрёстка. Все дворы стали проходными, доступными всем ветрам, с полуразобранными сараями и стайками внутри. Плановые лесозаготовки велись в Михайловской роще и Лагерном саду. Прямо в черте города. Дров всё равно не хватало. В гости теперь ходили редко, а если шли, то часто несли с собой деревянный гостинец – полено или доску. В прежние годы трудно было даже вообразить подобное в городе, со всех сторон окружённом лесами.

Весенние сумерки сменялись полноценным, густым и тёмным вечером. Между Суровцевым и патрульными красноармейцами было не более сорока метров. «Сейчас начнут стрелять», – понял Суровцев и побежал, петляя, насколько позволял узкий, плохо очищенный от снега, тротуар. Сначала медленно, затем быстрее и быстрее он бежал к спасительному углу дома. Один за другим вслед ему в морозном пространстве улицы прогремели два винтовочных выстрела. Пули противно просвистели рядом.

Расставив ноги на ширину плеч, с двумя наганами в руках, за углом дома стоял Соткин. Лицо его было бледным. Зубы крепко сжаты. Прищуренные глаза хищно направлены навстречу опасности. Суровцев встал чуть дальше и сзади от Александра Александровича. Он оказался в метрах трёх справа от него. Успокоил, насколько смог, дыхание. Вынул из внутреннего кармана полушубка свой наган.

Красноармейцы выбежали из-за угла не одновременно. Будь белогвардейцы менее опытными и менее хладнокровными, они начали бы стрелять в первого появившегося на линии огня. Но первым выстрелил красноармеец. Выстрелил из винтовки скорее от испуга и неожиданности. Он ещё и поскользнулся, чуть не упав при этом.

Пуля ушла куда-то в сторону, поверх офицерских голов. Привыкшие в последнее время только преследовать и задерживать, патрульные солдаты и думать забыли, что на них кто-то может напасть. От выстрела Соткин рефлекторно сделал шаг в сторону, и только. Тут же, сбивая первого патрульного, из-за угла выскочил второй. За ним одновременно выбежали оставшиеся двое.

Выстрелы из офицерских наганов сухо хлопали один за другим. Какие-то секунды – и четыре преследователя со стонами и матерными криками распластались на тротуаре. Две-три секунды – и новая серия выстрелов в лежащих на почерневшем весеннем снегу людей...

Время, когда любопытные жители выбегали на улицу, заслышав пальбу, осталось в прошлом. Теперь при стрельбе на улице томичи гасили свет и уходили в глубь комнат от окон, и без того укрытых ставнями. А то и вовсе сразу же ложились на пол...

Оглядевшись по сторонам, Суровцев и Соткин быстро пошли прочь от здания с чугунной оградой.

Оглядываясь, поочередно проскользнули в двери обречённого дома, в котором пришлось укрываться несколько последних дней. Документы штаба были подняты из подвала и собраны в горнице все, до последней бумажки. «Никак нельзя было выходить сегодня из дома. Никак было нельзя», – повторял и повторял про себя Суровцев. До сих пор он почти безвылазно сидел в подвале. И, как выяснилось, правильно делал. Нечего было и думать, чтобы выйти на улицу без риска быть кем-нибудь узнанным. Мог узнать любой из солдат пленённой пятнадцатитысячной армии Пепеляева, привлечённой, как тогда говорили, «на трудовой фронт». Могли узнать и томичи.

Сергей Георгиевич знал, что он находится в списке лиц, которых тщательно разыскивает губернская ЧК. Тогда он и сам не мог себе объяснить, почему сделал так, что по всем документам колчаковской армии он прошёл как генерал Мирк. Чекисты искали начальника штаба Северной группы, а затем генерала для поручений и личного представителя адмирала Колчака генерал-майора Мирка Сергея Георгиевича. Вторая, русская, составляющая русско-немецкой фамилии Мирк-Суровцев была известна в колчаковской армии единицам.

– И что, любезный Александр Александрович, вы в очередной раз судьбу испытывать взялись? – с раздражением спросил Суровцев Соткина. Сказал, скорее, для того, чтобы хоть что-то сказать, дабы нарушить молчание.

– Виноват, ваше превосходительство, – понуро опустив голову, ответил капитан. – Как чёрт шилом в задницу тыкал... Всё же, когда в бою, оно как-то иначе, – добавил он не сразу. – Однако узнали они нас, Сергей Георгиевич. Солдатики-то из нашей армии были. Одного я точно раньше видел.

Суровцеву ничего не хотелось говорить. Вспомнился вокзал города Могилёва. Тогда он впервые испытал чувства, мучившие сейчас его самого и капитана. Поднять руку на соотечественника – грех тяжкий и несмыываемый. Даже если это произошло в бою. Что говорить об их ситуации? Уже по своему опыту Суровцев знал, что обычное оправдание необходимостью самозащиты – оправдание слабое и не приносящее успокоения. Русские стреляли в русских. Взгляд его упёрся в листовку томского совдепа, лежащую рядом с керосиновой лампой. Сергей Георгиевич напряжённо думал... Они сидели, молчали, думая каждый о своём.

– Второй раз у меня так, – опять нарушил затянувшееся молчание Суровцев.

– Как так? – спросил Соткин.

– Поднимаю руку на своих, – ответил Сергей Георгиевич.

– Вы, ваше превосходительство, будто отроду и не воевали, – улыбаясь недоброй улыбкой, заметил Соткин. – Нашли своих...

– Да нет же. Я своими приказами людей, наверное, больше погубил, чем иной палач за всю жизнь. Я о том, что не в бою... Ещё первобытный человек первейшим грехом признал убийство именно соплеменника.

– Я не любитель исповеди слушать, – прервал его речь Соткин.

– Так я, капитан, сейчас лекцию тебе прочитаю! О вреде весенних грёз для военного человека, – повысил он голос до командного. – Стоял, мечтал, как курсистка перед первым свиданием...

– Во, – продолжил улыбаться Соткин. Правда, делал он это теперь уже без всякого зла. – Так оно привычнее, ваше превосходительство. Лучше прикажите чего-нибудь. У меня тоже на душе кошки скребут.

– Нужно уходить сегодня в ночь, Саша. До сих пор в нашем районе не было облав и обысков. Теперь будут. Красные и в монастырь полезут, и ближние дома обыщут. В том числе и этот. К моим тётушкам сейчас идти опасно. Спрячемся в твоём логове. День-два пересидим и вон из города. Так что – за дело, – продолжал Суровцев. – Один бидон керосина разливаем на чердаке, другой здесь. Поджигаем отсюда. Ставни на окнах надо будет открыть. Когда займётся, пусть воздух поступает.

Соткин забрался на чердак, заваленный старой мебелью. За несколько подходов разлил керосин в разных углах. Немного керосина оставил в бидоне, закрыл его крышкой и поставил в центре. Когда спустился вниз, то увидел, что и генерал проделал похожие манипуляции с керосином внизу. Закрытый бидон был наверху горы из документов штаба разгромленной армии генерала Пепеляева.

– Присядем на дорожку, – предложил Соткин.

– Присядь, если хочешь.

Соткин присел на краешек табуретки. Почти сразу встал, тяжело вздохнув, произнёс:

– Прости, Господи!

– Уходим, – то ли приказал, то ли просто констатировал факт Суровцев.

Уже выйдя за порог, в открытую дверь он швырнул одну за другой керосиновые лампы, которые из предосторожности до этого вынесли в сени. Стекланные колбы разлетелись вдребезги, пламя из разбитых ламп быстро потекло по полу к бумаге.

Они вышли на улицу и принялись открывать ставни на окнах. Каждый раз не забывая рукоятками наганов разбивать стекло. Пламя внутри медленно, но верно принялось уничтожать документы.

– Уходим, – второй раз за вечер произнёс Суровцев.

Рядом с домом игуменьи, в монастыре, сначала завывала, а затем одиноко залаяла чудом уцелевшая в голодном городе собака. Уличного освещения в этот период времени в Томске не было. Но главное то, что здесь, рядом с Иоанно-Предтеченским общежительным женским монастырём и кладбищем, не было и красноармейских патрулей. Они молча прошли по Пироговской улице до Пироговского городского училища.

На пересечении Пироговской с Белинской улицей оглянулись. Пламя пожара вырывалось из окон покинутого ими дома и влезало на деревянную кровлю. Отблески пламени плясали на куполах четырёх монастырских храмов. Молча переглянулись. Свернули налево.

– Тоже не спится кому-то, – указал Соткин на лучи света, пробивавшиеся в щели тяжёлых ставней одного из домов.

Суровцев ничего не ответил, но удивился столь позднему бдению кого-то из жителей Томска. Ещё большее удивление испытал бы он, знай, что они только что прошли мимо дома томского педагога и краеведа Филиппа Кузьмича Зобнина. У Зобнина до недавнего времени квартировал Григорий Николаевич Потанин. Советская власть второй раз не знала, что делать с этим знаменитым стариком – путешественником, общественным деятелем, идеологом областничества. Его не расстреляешь, как только что расстреляли за контрреволюцию редактора газеты «Сибирская жизнь» Александра Васильевича Адрианова и ещё двадцать

пять человек из числа томской интеллигенции. Поместив больного Потанина в госпитальные клиники, власть точно ждала, когда старец сам отойдёт в мир иной.

Пришли на территорию Лагерного сада, изуродованного беспорядочными лесозаготовками прошедшей зимы. В запах весны здесь вкрались лёгкий запах опилок и устойчивый запах гари. Многочисленные чёрные костровища, похожие на большие чумные язвы, теперь вытаивали из-под снега среди многочисленных пней. Даже в наступившей темноте они явственно чернели на снегу. Всё пространство сада было изрезано следами от полозьев саней. Протоптаные в разные стороны и утрамбованные за зиму многими ногами тропинки заметно возвышались над просевшим ноздреватым, весенним снегом. Соткин уверенно свернул в сторону и пошёл впереди, почти не проваливаясь. Тогда как Суровцев постоянно цеплял снег голенищами сапог.

Вышли к крутому откосу реки. Далеко внизу простиралась закованная в лёд Томь. Но у самого берега речной лёд окаймляла тонкая полоска воды. Даже в наступившей темноте, при свете луны было хорошо видно, как русло реки, плотно прижимаясь к своему правому берегу, пролегалo вдоль почти отвесных круч. Снега на откосе почти не было. По хорошо знакомой Соткину тропинке среди кустов и малочисленных деревьев они стали спускаться вниз. Через две-три минуты уже стояли перед железными воротами заброшенного порохового склада, когда-то обустроенного в толще горы и брошенного теперь за ненадобностью. Перед революцией Лагерный сад перестал быть местом летнего расположения частей томского гарнизона. Пользуясь этим обстоятельством, купец Кураев достаточно дешево приобрёл эти склады у военного ведомства. Он и передал все тайны этого подземелья своему несостоявшемуся зятю – Сергею Георгиевичу Мирку-Суровцеву.

Соткин открыл тяжёлый амбарный замок. Затем без видимых усилий потянул на себя тяжёлую створку кованых ворот бывшего склада. С жутковатым для слуха скрежетом створка отворилась. Суровцев уже знал, что эта лёгкость обманчива и только обладавший чудовищной физической силой капитан мог проделать эту операцию в одиночку. Точно так, как отворил, Соткин без видимых усилий затворил дверь изнутри. Закрыл на тяжёлую металлическую щеколду. Было темно и, казалось, тепло после свежести речного откоса.

Александр Александрович включил электрический фонарик на батарее. Освещая путь, он пошёл впереди. Суровцев однажды зарисовал план подземелья. Потом заучил на память и сразу же сжёг. За всё время пути ни разу не сбился. Они находились перед углублением в стене. Оно было здесь не одно такое. Но их интересовало именно это – второе слева. Справа ещё три прямоугольных углубления. Но за ними, как и за крайним левым, тайных дверей не было.

Соткин наклонился к полу. Сначала ногами, а затем рукой разгрёб мусор. Луч фонаря высветил металлическое кольцо в углублении. Кольцо тут же было поднято, тогда как другой его край оставался продетым в кованое ушко какого-то болта или большого гвоздя.

– Посветите, ваше превосходительство, – попросил Александр Александрович.

Суровцев взял из рук капитана фонарик. Направил луч к углублению в полу. Соткин двумя руками взялся за кольцо и с напряжением, которое трудно было не заметить, медленно повернул его по часовой стрелке. За стеной послышался стрёкот цепей и шестерёнок. Проём в стене стал медленно отступать внутрь. Система противовесов была приведена в действие.

Поочерёдно вошли в открывшееся помещение, заполненное многочисленными ящиками, бочками и бидонами. Суровцев продолжал освещать. Соткин достаточно долго крутил огромное колесо. Снова что-то щёлкнуло, и с уже знакомым стрёкотом стена на небольших стальных рельсах стала возвращаться на прежнее место. Не проделай он этой операции с колесом, стена с грохотом встала бы в проём сама и комната оказалась бы навсегда запер-

той от внешнего мира. Механизм изготовили таким образом, что человек непосвящённый, попади он сюда, был не в состоянии выбраться обратно самостоятельно.

Пройдя по узкому коридору, они, отворив деревянную дверь, вошли в ещё одну комнату. Соткин чиркнул спичкой и зажёл лампу. Взял из рук Суровцева фонарь. Выключил его и, бережно обмотав чистой тряпичей, положил в карман шинели.

Помещение оказалось более чем примечательным. По бокам от входа стояли рыцари с мечами. Точнее сказать, полные и полые внутри рыцарские доспехи. Стены завешаны коврами. Стол, стулья, шкаф и даже вешалка – всё это перекочевало сюда из богатого купеческого особняка. Это было понятно. Но зачем Соткин привёз, а затем ещё и перетащил сюда рыцарские доспехи? Это никому понятно не было. Как, впрочем, и самому Александру Александровичу. Про себя в таких случаях он говорил, что «дурная голова ногам покоя не даёт». Нам остаётся только добавить, что рукам тоже... История с рыцарями, или история про железных людей, живущих под Томском, ещё будет иметь своё продолжение. Довершали убранство этой тайной комнаты четыре металлических двухъярусные солдатские кровати.

Сбросив с себя полушубок, Сергей Георгиевич присел к столу. Обхватив голову руками, замер без движений.

– Что, лихо опять? – участливо поинтересовался Соткин.

Последствия недавно перенесённого тифа время от времени давали о себе знать. И Соткин, совсем недавно выходявший больного генерала, снова был готов его выхаживать. Была у этой болезни такая особенность – тиф не всегда отступал сразу. Иногда возвращался. Такой тиф так и назывался: «обратный тиф». Кроме приступа слабости, душевное состояние Мирка-Суровцева было не менее мучительно. Он поднял голову и, глядя помутневшими глазами на капитана, вдруг спросил:

– Саша, у тебя спирт или самогон есть?

Можно было и не спрашивать. Чем-чем, а спиртным Соткин запасся основательно.

– Чудной вы, право, ваше превосходительство. То от винного запаха кривитесь, а то самогона вам подавай. Найдётся. Здесь у меня даже коньяк есть. Коньяку не желаете?

Совсем непьющий, по царившим в офицерской среде меркам, Суровцев долго соображал, что ему лучше выпить.

– Что бы ты мне посоветовал? – спросил он.

– Вам бы я посоветовал выпить воды. Да случай таков, что и вправду сама душа просит. Водки сейчас выпьем, – после небольшого раздумья, сопровождавшегося оценивающими взглядами, брошенными на себя и на генерала, объявил Александр Александрович.

Быстро и сноровисто Соткин накрыл на стол. Вслед за литровой бутылкой водки на столе появились две банки мясных консервов, несколько сухарей чёрного хлеба и большая головка чеснока. Открыв консервы и плеснув водки в две жестяные кружки, Александр Александрович сел напротив генерала.

Они подняли кружки. С минуту молча смотрели друг на друга. Так и не проронив ни слова, выпили. Даже не закусив как следует и не почувствовав вкуса водки, Суровцев потянулся за литровкой. Снова налил себе. Налил Соткину. Один, под внимательным и укоризненным взглядом капитана, опять выпил. И лишь потом принялся закусывать.

Опьянение приходило крайне медленно. Точно такое же состояние он уже испытывал три года тому назад. В тот самый день, когда на железнодорожном вокзале в Могилёве толпа матросов и солдат растерзала последнего законного главнокомандующего русской армией генерала Духонина. Потом толпа начала избивать и убивать офицеров. Едва не убили

его самого. Матрос атлетического телосложения и богатырского роста мог лишиться жизни одним ударом огромного кулака. И лишил бы, не опереди его Суровцев. И тогда, и сейчас у него не было другого выбора. Сергей Георгиевич не испытывал заблуждений в отношении гуманности новой власти. Но мучило его не это, а сама противоестественность и непреодолимость сложившегося положения, когда представители одного народа уничтожают друг друга, и решительно нет даже малых шансов к примирению. Мало того, на мучительную, трагическую обыденность братоубийства накладывалась незаживающая, невыносимая личная драма.

Разочарование. Какое красивое, грустное и глубокое по смыслу слово! Очарование жизнью и чары любви были погребены кровавой и суровой действительностью Гражданской войны. Армии Колчака разгромлены, любимая женщина с другим мужчиной. Соперник оказывался и победителем в войне, и более удачливым в любви. Было жалко себя. В последние годы он не сделал ничего против совести, долга и чести. Но это не принесло ему лично и малой доли счастья. «И стоило ли прилагать столько усилий и столько старания в борьбе со смутой в государстве, если эти старания не только не увенчались успехом, но и оказались ненужными большинству народа? Не в этом ли причина и личной его драмы? Личное поражение было лишь следствием поражения общественного. Офицерство оказалось досадной и опасной помехой для новой революционной власти».

– Я вот что думаю, ваше превосходительство, – вернул его к действительности приглушённый голос Соткина.

Суровцев, оторвавшись от тяжёлых мыслей, поднял голову.

– Что Александр Александрович? – спросил он капитана.

– Вы давеча говорили, что в Красную армию вступать надо.

Сергей Георгиевич медленно вспоминал, соображая, что, собственно, имеет в виду Соткин.

– Так вот, – продолжал капитан. – Я больше вступать никуда не буду. Что-то мало толку от всех наших вступлений. В германскую воевали неизвестно за что. Теперь я и вовсе не вижу резона.

– Всё ты правильно говоришь, Саша. И я не вправе требовать от тебя больше того, что ты сделал. Уже то, что ты сначала Пепеляева выходил, а потом меня, – стоит самой высокой признательности и награды.

Соткин не только вывез из Томска находившегося в бреду командующего армией Анатолия Николаевича Пепеляева, но и действительно выходил его. Находясь в Мариинске на нелегальном положении, он сумел организовать переправку генерала в Нижнеудинск, затем и за границу. А на руках у него оказался уже другой больной генерал – Мирк-Суровцев. Александр Александрович вдруг спросил смеясь:

– Это у кого из писателей рассказ есть «Как один мужик двух генералов прокормил»?..

– У Салтыкова-Щедрина, – вяло улыбнувшись, ответил Суровцев. – Потом для тебя и здесь дело найдется, – продолжал он. – Нужно проконтролировать сохранность закладок ценностей на севере. Большевики быстро приходят в себя и, думаю, уже этим летом пойдут искать в районе Сургута то, что прошлой осенью там закопал отряд штабс-капитана Киселёва. И это ещё не всё. От нас ускользнул поручик Богданов. И тебе, и мне не нужно объяснять, что он при отступлении не оставил попыток ещё раз запустить руку в ценности золотого эшелона.

– Хорошо. Я в ближайшее время попробую поискать следы Богданова.

– Если не хватит своих средств, возьмишь из той части золота, – показал генерал кивком в угол подземной комнаты.

– На всякий случай сейчас прямо и возьму. Пойдёмте, заодно покажу, как я там всё обустроил, – предложил Соткин.

– Идём, – согласился генерал.

Соткин откинул угол ковра в том месте помещения, на которое указывал Суровцев. Под ковром обнаружилось точно такое же кольцо, как при входе. Изначально предполагалось к этим кольцам крепить даже цепных псов, чтобы скрыть истинное назначение этих приспособлений. Капитан привычно повернул неподатливое кольцо. Сложный механизм отодвинул стену и открыл крутую лестницу, уходящую в глубь подземелья. Пока его товарищ проделывал манипуляции с поворотным колесом механизма, генерал спустился вниз.

Эта подземная комната оказалась и вовсе маленькой. Всё её пространство занимали небольшие ящики, между которыми были оставлены проходы. Два находящихся с краю верхних ящика оказались вскрытыми. Даже тусклый свет керосинки, попав в первый ящик, вызвал в нём яркое золотое сияние. Суровцев увидел золотые червонцы. Разгрёб солому во втором. Рука ощутила холодный металл отполированных до глянца банковских слитков.

– Ещё четыре ящика тоже с монетами, – пояснил, спустившись по лестнице, Соткин. – В нижних – золото в слитках... Перевешать бы всё надо, ваше превосходительство, да когда и чем ума не приложу... А ещё, думаю, кольцо перед входом надо забетонировать. От греха подальше...

Суровцев кивнул, повернулся и стал медленно подниматься по лестнице вверх. Соткин горстями, со звоном, накидал в маленькую кастрюльку, принесённую с собой, золотых монет. С ловкостью беспризорника, точно рыбу с лотка у торговки на рынке, выловил из другого ящика золотой слиток и сунул его под мышку. Взял лампу. Отправился следом за генералом.

Испросив разрешения закурить, капитан курил, стоя у вентиляционного отверстия в стене. Не так хорошо, как летом, но папиросный дым всё же втягивался в чернеющую дыру. Соткин разглядывал ржавый безмен. Ещё раз убедившись, что эти нехитрые базарные весы отслужили свой век, Александр Александрович осторожно положил их у своих ног.

Драгоценный слиток и горка золотых монет на столе отражали свет двух керосиновых ламп. От чего стало вдруг непривычно светло. Точно в подземелье был проведён электрический свет.

Сидящему за столом Суровцеву было трудно дышать. Но совсем не от того, что капитан прикуривал уже вторую папиросу. И совсем не от того, что он испытывал хоть какой-нибудь трепет от большого количества золота, находившегося вблизи и рядом. Разочарование. Оно точно выжигало вокруг него кислород, делая невозможным дыхание. Оно не оставляло вокруг него никакой, казалось бы, опоры для дальнейшей жизни. Он не раз слышал, что первая любовь, как она ни болезненна, как ни мучительна, всё же не главная в жизни. Но в свои двадцать семь лет он продолжал любить ту, которую полюбил четырнадцатилетним кадетом. И она сейчас тоже находится в Томске.

Первый их вальс на бале для молодёжи, как оказалось, определял всю его судьбу. Он преодолел разлуку, сопротивление своих и её родственников. Их уже считали женихом и невестой. И вот сначала Февральская революция, а за ней и Октябрьский переворот. И новая война. И новая разлука. И её измена. Измена любимой была для него страшнее военного поражения. Ася не уходила из его мыслей. Она снилась ему во сне. В недавнем тифозном бреду, по словам Соткина, он постоянно твердил её имя.

Золото. Ещё и золото. Он даже не понимал умом, он, скорее, ощущал душой, что отныне и на очень долгое время этот металл будет распоряжаться и управлять его судьбой. И от этого становилось ещё невыносимее...

Отодвинув в сторону снесь, расстелив рядом белоснежную тряпку, капитан Соткин принялся чистить оружие. Суровцев, желая отвлечь себя от тяжёлых мыслей, хотел последовать его примеру, но Александр Александрович властно забрал из его рук наган.

– Э-э-э, – точно пропел капитан, – давайте лучше я. Наливайте-ка пока...

Молча, опять не чокаясь, выпили.

Наверное, действительно между близкими людьми существует незримый информационный канал связи. В то самое время, когда алкоголь, казалось бы, полностью заполнил и подавил его, оно, это сознание, прежде чем раствориться в небытии, послало невидимый импульс в адрес любимой женщины. В другом конце города его точно приняли. Точно почувствовали. И не она одна.

Начальник отдела Томской чрезвычайной комиссии Павел Железнов в крайней степени раздражения разговаривал с женой. Ни чекист Железнов, ни его жена Ася не знали конкретно, кто стоял за расстрелом красноармейского патруля на Бульварной улице, но почему-то одновременно поняли, что это дело офицерских рук. И он, и она, каждый по-своему, вспомнили Сергея Георгиевича Мирка-Суровцева.

– Если бы не вся эта офицерская сволочь, Гражданская война затихла бы сама собой! – в запале выкрикнул Железнов. – Всё давно наладилось бы!

– И окончательно воцарился бы хам! Ты и всё твоё окружение – хамы! Неизвестно кем себя возомнившие в этой жизни. Необразованные, самонадеянные и кровавые. А на что, интересно, вы рассчитывали, когда учиняли казни офицеров?

– Ты мне ещё своего женишка в пример поставь, – с угрозой в голосе произнёс часто повторяемую в этом доме фразу Железнов.

– Ты же сам мне рассказывал, что он дважды мог с тобой расправиться, – ловила его на слове Ася. – И оба раза он не стал этого делать.

Много раз Железнов жалел, что рассказал жене о тех двух встречах с Мирком-Суровцевым. О первой, в Перми, когда его из колчаковской контрразведки привели к Суровцеву. Когда тот и сообщил ему о том, что Ася ждёт ребенка. Его, Железнова, ребёнка. А потом пинком вытолкнул его из поезда, сказав перед этим, что не желает его смерти. Вторая, и последняя, встреча на станции Тайга...

При одном воспоминании Железнов вздрагивал. Он на всю жизнь запомнил испытанный тогда ужас. Когда, сидя за столом в своём кабинете, он поднял глаза от бумаг. И взгляд его тут же был захвачен приближающимся чёрным отверстием пистолетного ствола, направленного ему в переносицу. И только потом уже он понял, что вошедший никакой не комиссар, а его соперник и первый в этой жизни враг.

Помнил он и своё бессилие что-то изменить, когда паровоз опять уносил ненавистного белогвардейца, а ему хотелось выть от оскорбления и унижения. В отличие от несколько раз кряду промахнувшегося Железнова, Суровцев не промахнулся бы. А он и тогда не стал стрелять. Поднял наган, прицелился, но опустил руку. Стоя на лестнице паровозной кабины, он сам точно просил Железнова попасть в него. Железнов так и не попал.

Ссоры с Асей в последнее время шли одной непрерывной чередой. И носили, так и хочется сказать, характер политический. Ася, не стесняясь в выражениях, говорила всё, что она думает о советской власти и о красном терроре. А любые попытки Железнова приспособить, адаптировать жену к новым условиям жизни и немалым чекистским привилегиям встречали решительный отпор.

– Я никогда не надену вещь с чужого плеча! Тем более вещь убитого человека, – твёрдо и с достоинством выговаривала Ася Железнову. – И не смей тащить сюда чужие вещи. Тем паче вещи детские!

– Ну и ходи в отрепье! – бросал ей в ответ Железнов.

– Лучше в своих жалких лохмотьях, чем в чужом и награбленном. Какое бы оно ни было, – гордо отвечала выпускница женских курсов и купеческая дочь. – И золотые украшения, которые ты несёшь в дом, – не украшения вовсе, а зримые доказательства грабежей и расправ над невинными людьми. Это просто мерзко.

– И что? Ты предлагаешь мне всё это выкидывать? Есть приказы и распоряжения, которые я обязан выполнять.

– Лучше выбрасывай.

– Ты просто недалёкая и отсталая купчиха!

– Какая есть, – с достоинством отвечала она.

– А что же ты от продуктового пайка тогда не откажешься?

– Потому и не отказываюсь, что надо кормить дочь. Нашу дочь. А разве не вы, чекисты, сделали всё, чтоб ничего нельзя было купить. Чтобы всё разом пропало и закрылось. Ты что, сам не видишь, что с новой властью пришли и безработица, и разруха, и голод, и просто отчаяние населения.

– Это временно, – заученно заявлял Железнов.

Давая ему понять, что разговор окончен, она прошла в детскую. Когда-то она снимала в этом доме одну квартиру для них в верхнем этаже. Теперь весь верхний этаж принадлежал им. Хозяева покинули город в декабре прошлого года. И если Железнов не скрывал радости от неожиданного обретения жилья, – к тому же первого в его жизни своего жилья, – то Ася не могла избавиться от ощущения проживания в чужом доме.

А три дома, принадлежавшие её отцу, теперь были реквизированы новой властью. Она воочию видела, как прав был её бывший жених Сергей Мирк-Суровцев, когда настаивал на отъезде всей их семьи за границу. Ей страшно было даже думать, что было бы, если отец, мама, сёстры и их семьи остались бы в России. Кто-то из них уже не раз был бы ограблен, если не расстрелян как контрреволюционный элемент. Она знала, как тётушки Сергея сожалели теперь, что не послушали племянника и остались в Томске.

На кухне Железнов загремел кастрюлями. Ася с маленькой Машей ели сегодня перловую кашу, сваренную утром. Оставили часть Павлу. Но по звукам, доносящимся из кухни, он поняла, что ужинать кашей тот не намерен. Опять будет пить спирт и закусывать его воблой из продовольственного пайка. «Надо будет сказать ему, чтобы не выпивал всё», – подумала она. Спиртное она в последнее время обменивала на чёрном рынке на мясо и молоко для дочки.

Разговоры на повышенных тонах становились обыденностью в этом доме. И никто из них двоих не знал, как сойти с этого губельного для каждой семьи пути. А друг без друга они выжить сейчас никак не могли. Но и настоящей близости и теплоты между ними не сложилось. Вот и сейчас Железнов в одиночестве пил горькую, а она сидела в детской рядом с кроваткой дочурки и думала о своём...

Чуть позже, когда Павел отправится спать, она, может быть, откроет заветную шкапу со стихами Сергея. За десять лет переписки у неё скопилось много писем с его стихами. Знакомые барышни раньше постоянно переписывали их. Видя, как сам Суровцев легкомысленно относится к своему творчеству, она своей рукой переписала все стихи в одну большую, сшитую из нескольких маленьких тетрадок, тетрадь. Получилась большая стихотворная книга. Спрятав большую часть писем в тайнике отцовского дома, оставила себе только несколько самых памятных.

Железнов знал о шкапулке и хранящихся в ней письмах. Но он знал и другое – Ася не шутила, когда предупредила его о том, что любое покушение на её личные вещи кончится её уходом из дома. Вместе с дочерью. И даже тот факт, что идти ей некуда, не удержит его своенравную жену, с которой они к тому же не были даже «расписаны». Так теперь стали называть процедуру заключения брака.

– Мы с тобой не венчаны, – время от времени говорила она ему.

Она точно знала, что венчаться он не может себе позволить и как чекист, и как коммунист.

Но он ничего не мог поделаться прежде всего с собой. Он любил её, а мысль, что она может уйти вместе с маленькой дочерью, была для него просто невыносимой.

Железнов, один выпив полулитровую бутылку спирта, скрипя половицами, отправился спать. В кухне продолжала гореть лампа. «Надо бы пойти погасить», – подумала Ася. Павел Железнов быстро привык жить на широкую ногу по нынешним революционным меркам. Чрезвычайная комиссия была чуть ли не единственным учреждением в стране, где экономить даже и не собирались.

Ася перебирала письма и стихи Мирка-Суровцева. «В другое время он, наверное, мог бы стать известным поэтом», – думала она. Стихи Сергея обладали тем отличительным поэтическим свойством, когда при каждом новом прочтении в них отрывались новый смысл и новые подтексты. Она беззвучно плакала, читая поэтические строки из последнего письма. Скорее всего, это романс. Она готова была поклясться, что слышала сейчас любимый голос и даже музыку.

*Не хотел да выпало...
Всё терпел, да заплакал
слёзами горячими на зимнем ветру...
И пургой охаянный,
встал как неприкаянный,
будто гость нечаянный во чужом пиру...*

*Поделом настырному,
дурню простодырому...
Мыслимо ль, о лете он возмечтал зимой!
Небо вновь замутится.
Оттепель отступится.
Ноченьки навалятся непробудной тьмой.
Льдинки с век срываются,
за усы цепляются...
По устам обветренным розгой бьёт мороз.
Чтоб пропал сугробами,
дебрями, чащобами...
Речи свои жаркие к милой не донёс...*

*Пусть снега не стаяли,
где-то птицы стаями,
шум у рожи отнятый на крылах несут.
Встречусь с ненаглядною.
Ивушки нарядные
над рекой зелёные косы расплетут.*

Глава 3

Их превосходительства

1941 год. Сентябрь. Хельсинки

Несмотря на солнечный день, в загородной резиденции Верховного главнокомандующего вооружёнными силами Финляндии барона Маннергейма включили отопление, а в сумрачном рыцарском зале замка горел камин. Присутствующие разговаривали на русском языке.

– Доблесть русского солдата спасает сейчас Финляндию, – почти торжественно произнёс верховный главнокомандующий Карл Густав Эмиль Маннергейм, и голос его гулко отозвался эхом в высоте рыцарского зала, украшенного старинными доспехами.

Генерал финского Генерального штаба Пул в недоумении поочерёдно переводил взгляд с Маннергейма на Суворцева и обратно. Одетый в костюм для верховой езды Суворцев не растерял военной выправки, но скорее был похож на дипломата во время отдыха, чем на советского разведчика. В его облике трудно было обнаружить следы недавнего тюремного заключения и следы напряженной работы первых месяцев войны в особой группе маршала Шапошникова. Здесь, в союзной Германии Финляндии, он так же много трудился и мало спал. Точно созданный для неприятной кабинетной работы, он сохранял физическую бодрость и светлую голову. Суворцев имел аристократичный вид рядом с одетым в генеральский мундир Пулом. В сравнении с постаревшим за последние годы Маннергеймом, облачённым в полевую генеральскую форму, он смотрелся свежо и молодо.

– Вы хотите сказать, ваше высокопревосходительство, что под Москвой решается судьба не только России? – попытался погасить пафос такого заявления Суворцев.

– Именно так и не иначе, – сухо, с достоинством подтвердил фельдмаршал.

Являясь с 1934 года фельдмаршалом, Маннергейм не требовал от окружающих обращаться к нему в столь высоком звании. Он отдавал себе отчёт, что маршальское звание было и оставалось пока только званием почётным. Само его появление в маленькой Финляндии он считал несерьёзным. Что говорить, если даже маршал более крупной Польши, ныне покойный Пилсудский, воспринимался и смотрелся в этом звании опереточно. Звание маршала предполагает не одну или две, а многие и многие крупные военные победы, приведшие к серьёзным, часто необратимым, политическим результатам.

Генерал Пул, не скрывая раздражения, встал со своего кресла и подошёл к камину. Двумя руками принялся орудовать каминными щипцами. Душевное спокойствие, с огромным трудом приобретённое им за годы пребывания на чужбине, подобно дровам в камине быстро сгорало. Финской генерал Аксель Пул превращался в прежнего порывистого поручика русской армии Алексея Пулкова.

– Я решительно отказываюсь понимать и тем более принимать такую логику, – бросая в камин берёзовые поленья, говорил он.

– Эта логика есть логика сложившейся ситуации, – точно разъяснял свою позицию Маннергейм. – На все упрёки ко мне со стороны Гитлера я могу теперь отвечать, что если даже великой Германии не удастся сломить сопротивление советов, то глупо требовать этого от маленькой Финляндии.

– Ваше высокопревосходительство, – дипломатично и мягко повёл свою речь Мирк-Суровцев, поднимаясь из кресла, – я хотел бы в вашем присутствии поблагодарить генерала Пулу.

Пулу ничего не оставалось, кроме как оставить в покое камин и повернуться лицом к Суровцеву.

– Пожалуйста, – кивнул бывший генерал свиты его императорского величества Николая II.

– Ваше превосходительство, – подчёркнуто официально и многозначительно начал Сергей Георгиевич, обращаясь уже к Пулу, – я в полной мере сумел оценить вашу открытость, а также истинное благородство, с которым вы вели со мной дела. Я был рад встретить в вашем лице достойного представителя финского генералитета. Наша встреча для меня приятна ещё и тем, что я воочию мог подтвердить своё высокое мнение о вас, как о достойном офицере русской контрразведки, с коим мне посчастливилось плечом к плечу воевать на русско-германском фронте в далёком 1916 году.

Пул был тронут. Суровцев сумел сказать комплимент и при этом даже намёком не показать, что он, генерал Пул, был когда-то его подчинённым. Маннергейм, со своей стороны, не мог скрыть удовольствия от неожиданной для военного человека дипломатичности, только что продемонстрированной русским разведчиком.

– И всё же, – сказал Пул, – должен вам заметить, что я только выполнял приказ главнокомандующего.

– Присаживайтесь, господа, – вставая из кресла, пригласил Маннергейм. И без того немалого роста, теперь он стал казаться выше рядом с сидящими генералами. – В эти дни вы перестали быть простыми разведчиками и контрразведчиками, – продолжил финский главнокомандующий, сделав несколько шагов, заметно прихрамывая на одну ногу. – Вероятно, пик в карьере разведчика наступает в тот момент, когда он начинает иметь дело со сведениями стратегического характера. Но тогда наступает опасный и головокружительный скачок. Такой разведчик в одночасье попадает даже не в сферу политики как таковой. Он попадает в сферу политики тайной. В своё время мне пришлось проделать этот путь. Поэтому хотел бы вас предостеречь от ошибок, которыми этот путь выслан. Тайная политика на то и тайная, чтобы оставаться неведомой для большинства. Тайна не любит свидетельств и свидетелей.

Эхо жутко повторило последнее слово фельдмаршала. «Свидетелей», – раздалось под сводами зала. Точно не барон, а кто-то другой, величественный и страшный, произнёс это слово сверху.

– Тайное становится явным, и меня сейчас заботит, как будут выглядеть наши действия в глазах потомков. Простите за высокий штиль, – опять вернулся к прежнему беспокойному душевному состоянию генерал Пул.

– Пусть это вас не страшит, голубчик, – со снисходительной улыбкой произнёс фельдмаршал. – Самое забавное, что самыми примечательными историческими деятелями оказываются те, после которых остаётся много неразгаданных тайн. Ничтожества в политике не оставляют после себя ни тайн, ни загадок.

Суровцев невольно улыбнулся вслед за Маннергеймом.

– Русскому генералу можно улыбаться, – продолжал в прежнем недовольном тоне Пул. – Чего ещё желать? Финский генерал, точно преданная собачонка, таскает ему в зубах драгоценные сведения о немецкой промышленности, о немецких вооружённых силах, об организации и структуре разведки и контрразведки. А он ещё и привередничает! Ему подавай не только, скажем, структуру и организацию войск СС, но и учебные программы эсэсовских офицерских училищ.

– Ваше превосходительство, – как будто искренне парировал Суровцев, – нет худа без добра! Зато теперь и вы, и я вместе знаем, что училища всего два. Знаем, как и чему там учат.

Сколько офицеров в год выпускают. А как без усилий отслеживать перемещение эсэсовских частей, так это, не побоюсь сказать, новое слово в разведке...

– О чём вы, молодые люди? – заинтересовался Маннергейм.

– Немцы создали публичные дома для каждого крупного эсэсовского соединения, – буркнул Пул.

Маннергейм рассмеялся так, как ему было и несвойственно:

– Нет. Это только русский может из отвлечённых понятий создать практическую рекомендацию. Эшелон женщин. Ужас, – смеялся фельдмаршал. – Это ещё и немцев знать надо. Насколько педантично они замаскируют каждый миномёт, настолько поспеют в расходах на своих фрау.

Пулу ничего не оставалось, как тоже улыбнуться.

– Так или иначе, даже в нашей непростой ситуации мы нашли общие интересы и точки пересечения интересов, – возвратился к серьёзности Суровцев. – Но мне пора домой. Моя миссия выполнена, – веско добавил он.

«Давно пора», – подумал про себя Пул. Он действительно был измучен поручением главнокомандующего. «Хорошо ему приказать! А что такое на практике “обеспечьте нашему гостю всемерную помощь и поддержку”?» – спрашивал он себя. «На практике – это оказалось сплошь и рядом нарушение приказов самого же Маннергейма. А каких нервов и сил стоило ему, Пулу, замять дело с нападением на немецкого фельдгегера! Спасло только то, что немцы не могли даже предположить, что к этому причастна русская разведка», – пытался хоть как-то успокоить себя генерал. Но спокойствие не приходило. Считать большевистскую Россию надёжным партнёром и союзником ни сейчас, ни в будущем он не мог. «Нельзя верить людям, истребившим столько своих соотечественников во время революции и Гражданской войны», – был убеждён бывший царский и белогвардейский офицер. «А сейчас! Что изменилось после тайной миссии Суровцева? Налёты советской авиации на Финляндию не прекратились. Количество диверсантов, забрасываемых в тылы финских войск, только увеличилось. Контратаки советских войск не прекращаются, несмотря на гигантские потери со стороны атакующих. И это ещё цветочки. Ягодки начнутся, как только большевики придут в себя. А они придут в себя», – был убеждён Пул. «Русский солдат, несмотря ни на что, остался солдатом русским», – со смешанным чувством гордости и горести понимал он. А то, что его бывший командир по Первой мировой войне сейчас советский разведчик, не прибавляло ему оптимизма и хороших мыслей. Мирк-Суровцев сунул свой нос куда только мог. Ещё и рекомендации стал давать. А то, что эти рекомендации оказались результативными, ещё больше раздражало Пула. Так, разобравшись в структуре немецких разведывательных и контрразведывательных органов, Суровцев посоветовал в деле с немецким фельдгегерем, которого сам и застрелил, бросить тень на абвер. И самое поразительное, что гестаповец Фогель, представляющий здесь СС, точно хищная рыба повёлся на эту фальшивую наживку. Соперничество между СС и абвером вылилось в конкретные подозрения офицеров абвера в причастности к похищению злосчастного фельдгегерского портфеля. А сделать это оказалось проще простого – «вернуть» документы не через мощную агентуру гестапо, а через более слабую в Финляндии агентуру абвера. И штандартенфюрер Фогель всерьёз заговорил о симпатиях абвера к англичанам. «Знал бы, дурак, кто на самом деле за всем этим стоит», – всё же не без злорадства думал финский генерал. Но, подсознательно желая насолить Суровцеву за причинённые беспокойства, он вдруг заговорил о теме, которая, по его мнению, должна была вывести Суровцева из равновесия:

– А вы, ваше превосходительство, не думали о том, что в вашем случае причастность к тайной политике может вам стоить головы? Если своих партийных соратников Сталин рас-

стреливал в списочном порядке, то чего в будущем ожидать лично вам – бывшему доверенному лицу самого адмирала Колчака?

Тактичный Маннергейм не мог себе позволить задать столь бестактный вопрос. Но и ему было интересно, что ответит гость. Возникшую тишину нарушал только треск горящих в камине поленьев.

– Мне кажется, я если и не понял, то уловил и почувствовал внутреннюю логику репрессий в России, – сдержанно отвечал Суровцев.

– Вот как, – не скрывая иронии, прокомментировал сказанное Пул.

– Именно так.

– Продолжайте, голубчик, – то ли приказал, то ли попросил Маннергейм.

– Итогом революции стало уничтожение и замещение верхних слоёв общества. Это и не скрывалось, и декларировалось на каждом митинге. Но вот как сформировать правящий, а значит, привилегированный слой в новом Советском государстве при провозглашённом интернационализме и бесклассовом обществе, никто не придумал. Вероятно, никто и не думал. В первые годы советской власти в какой-то своей части этот правящий слой формировался даже из деклассированных элементов, которым и место даже не в тюрьме, а сразу на виселице. Сейчас новая аристократия оказывается то узконациональной... То она оказывается слишком крестьянской... То непомерно пролетарской... То чересчур милитаристской... И конца этой карусели до сих пор не видно. И что самое неприятное, в орбиту этих кровавых споров втянут простой народ.

– Теперь становится общепринятым заменять слово «аристократия» словом «элита», – прокомментировал сказанное Маннергейм.

– Мне кажется, что слово «элита» больше относится к разведению лошадей, – в свой черёд заметил Суровцев.

Наездник и любитель лошадей Маннергейм молчал. Ему тоже казалось, что укореняющееся в последнее время понятие национальной, политической, научной элиты мало подходит к человеческому обществу. «Оно ещё и оскорбляет благородное лошадиное племя», – считал барон.

– И вы предлагаете себя советской власти в качестве истинного носителя идеи государственности, – провокаторским тоном продолжил Пул.

Суровцев собрался что-то ответить, но сделать это жестом ему не позволил хозяин замка. Барон, улыбаясь, подошёл к Пулу. Чуть наклонился к нему и вдруг вполголоса спросил:

– А вы стали бы иметь дело с любым другим человеком, прибывшим из Москвы?

Пул не нашёлся что ответить.

– Вот видите, как всё непросто, – продолжил фельдмаршал. – Я воспринимаю этот визит через линию фронта как знаковый. А что касается революций, молодые люди, лицемерие Маркса гораздо глубже понятий коммунизма и интернационализма. Сама борьба против крупного капитала на практике не что иное, как борьба мирового капитала против наиболее значимых монархий и капиталов национальных. Олигархия – значит, власть немногих. Финансовая олигархия – власть совсем не многих. И боюсь, что идеи тайных обществ по тайному переустройству мира оказались более жизнеспособны, чем любые другие. А социализм лишь один из инструментов этой борьбы. Это оружие. Но опасное оружие оказалось в детских руках русской революции. Будем надеяться, что ребёнок быстро вырастет.

– Что-то детки, право, заигрались, – прокомментировал Пул слова главнокомандующего.

Точно вспомнив о специфической акустике зала, Маннергейм встал в стороне от камина и точно актёр-трагик вдруг стал декламировать. Реверберация опять делала жутким и объёмным его голос:

– Адские испарения поднимаются и наполняют мой мозг, пока не сойду с ума и моё сердце в корне не переменится, – воздел он руки к сводам потолка. – Видишь этот меч? Князь тьмы продал мне его.

– Это что, неизвестный перевод Гёте? Фауст? – спросил после паузы поражённый такой театральностью Суровцев.

– Нет, – ответил, рассмеявшись, барон. – Это Карл Маркс. Стихотворение, знаете ли. И называется оно «Скрипач».

– Никогда не слышал, что Маркс писал стихи, – удивился Пул.

– Писал, – точно пропел это слово Маннергейм, всю свою долгую жизнь утверждавший, что не прочёл ни одной книги.

– Похоже на описание масонского ритуала посвящения, – тихо проговорил Суровцев.

– Действительно? – театрально удивился финский главнокомандующий. – Никогда бы не подумал. Ну да вам видней. Вы уже освоились в моих библиотеках. Есть там и стихи, – добавил он после паузы. – И прочтите ещё одну книжку классика. У Маркса она называется «Тайная дипломатия XVIII века».

– Прочту уже дома, – ответил Суровцев.

– А вот это вряд ли, – усомнился Маннергейм. – Русского перевода, насколько я знаю, не было и до революции. Не будет и теперь.

Точно опытный и знающий профессор университета Маннергейм предпочёл пробуждать у слушателей тягу к знаниям, будто помня по собственному опыту, что знания чужие останутся чужими. Потому и неубедительными. И ещё он уловил те внутренние и внешние перемены в характере Суровцева, которые переживал когда-то сам.

– Нам довелось жить на стыке времён, – продолжал Маннергейм, – и потому нужно принять тот факт, что мы за одну жизнь проживаем несколько абсолютно разных жизней. И совсем не потому, что сами того желаем.

«Действительно, – мысленно соглашался Сергей Георгиевич, – фельдмаршал прожил несколько разных жизней». В первой жизни был легкомысленный кавалергард, блестящий кавалер и наездник, похититель дамских сердец и игрок, завсегда аристократических салонов, член нескольких закрытых клубов, всегда не слишком обременённый делами службы ротмистр – Карл Маннергейм. Высочка и придворный шаркун в глазах многих армейских офицеров. К тому же настоящий барон. Затем была русско-японская война. В столицу вернулся уже другой барон. Без прежних иллюзий и без трёх скаковых лошадей, которых, подобно своим предкам-рыцарям, взял с собой в военный поход. Через два года он снова в Азии. И это опять другой барон. Экспедиция носила разведывательный характер. Злые языки не называли его теперь придворным выскочкой, что не мешало судачить о том, что он попросту сбежал от долгов и от своих многочисленных и влиятельных любовниц. А разрыв с любой из них мог иметь скандальные, непоправимые последствия в глазах высшего общества. И это можно было считать правдой. Женщины не оставляли его своим вниманием даже на войне. Так отправилась за ним на русско-японский фронт во главе лазарета графиня Шувалова.

Даже спустя более двух десятков лет феноменальная память Суровцева хранила поразившие его воображение данные. Разведывательные результаты китайской экспедиции трудно переоценить. Документы Генерального штаба беспристрастно зафиксировали огромный объем сделанного... Преодолев за два года верхом на лошади более четырнадцати тысяч километров пути, «путешественник» нанёс на карту три тысячи семь километров

пройденной местности. Составил военно-топографическое описание района Кашгар – Турфан. Исследовал на предмет прохождения войск реку Таушкан-Дарью. Составил планы двадцати китайских гарнизонных городов. Дал оценку состоянию китайских войск, китайской промышленности и горному делу. Как бы между делом прихватил в песках Турфана две тысячи древних китайских манускриптов, составил фонетический словарь языков народностей, проживающих в Северном Китае, произвёл антропологические измерения калмыков, киргизов, никому не известных абдалов, жёлтых тангутов, торгоутов и других представителей малоизвестных племён. Проиллюстрировал свой путь и фотоснимками в количестве одной тысячи триста пятидесяти трёх штук – огромный труд при слабом уровне фототехники того времени. Встретился, погостил и побеседовал в Тибете с далай-ламой. А перед отъездом на родину «заехал» ещё и в Японию. Поинтересовался военными возможностями порта Самоносеки.

Маннергейм уже в то время представлял собой уходящий в прошлое тип разведчика-аристократа. И разведывательные сведения он собирал порой в аристократических салонах, в охотничьем клубе, на светских раутах и бегах. И каким же безмозглым, ленивым и тупым было военное руководство империи и армии, чтобы не ценить таких людей. Накануне Первой мировой войны, возвращаясь с курорта в Висбадене, где он лечил ревматизм, барон заехал в Берлине к торговцу лошадьми по фамилии Волтман. Не без удивления обнаружил пустые конюшни. Выяснилось, что лошади были проданы немецкому военному ведомству по неслыханной цене – пять тысяч марок за лошадь. При стоимости одного скакуна одна тысяча двести марок! «Кто хочет воевать, тот должен заплатить», – резонно заметил Волтман удивлённому переменами в конюшнях барону.

Обгоняя европейскую почту, не увлекаясь мирными видами Германии, генерал Маннергейм поспешил в Россию. Краткая остановка в Варшаве. В квартире на улице Черняховского в доме под номером тридцать пять его ждала кипа пригласительных билетов и многозначительных записок, пахнущих дорогими духами. Но он оставлял и эту часть своей жизни и начинал проживать другую. «Густав был человек увлекающийся, никогда и ничем не умел дорожить», – не без горечи вспоминала о варшавском периоде жизни барона графиня Любомирская. «Утром 31 июля 1914 года ко мне пришёл попрощаться генерал Маннергейм... Он попросил напутствовать его на дорогу...» – записала графиня в своём дневнике. И действительно жизненная дорога барона становилась уже другой настолько, что её предыдущие отрезки трудно соотносились с отрезками последующими.

– Правильно говорят умные люди: в каждом человеке живёт как минимум три человека, – вдруг проговорил финский главнокомандующий. – Один человек – это тот, которым он сам себя считает и числит. Другой – это тот, которого знают окружающие. А третий – тот, которым он является на самом деле. Но это в полной мере относится и к государствам. И это особенно хорошо видно на примере Германии и России. Русские и немецкие представления о себе коренным образом отличаются от представлений о Германии и России в мире.

– А Финляндия? – после долгого и непривычного для него молчания спросил Пул-Пулков.

– Финляндия не может себе позволить великих заблуждений, – быстро ответил Маннергейм. – Вы не даёте мне договорить.

– Виноват, – также быстро ответил Пул.

– Итоги прежней мировой войны таковы, что в Европе не осталось ни одной сколько-нибудь значимой монархии. А две страны, с остервенением воевавшие друг с другом, оказались за скобками военного и политического успеха. Вот и ответьте сами себе, кто должен выйти из нынешней войны обескровленным, посрамлённым и униженным, если основные тяготы несут Россия и Германия? А что до милой моему сердцу Финляндии, то финны уже

сейчас несут большие потери, чем англичане. О потерях США говорить вообще не приходится. Одни экономические выгоды и подъём производства.

– Мы с генералом Пулом, вероятно, слишком военные люди, чтобы судить о пружинах тайной политики, – задумчиво произнёс Суровцев.

– Вы и не можете судить об этом вопросе по причине своей неосведомлённости, – жёстко сказал главнокомандующий. – От вас требуется другое – не позволять своим руководителям поддаваться ложным представлениям о своих странах, тем более внушениям со стороны. Представления Гитлера о себе самом и о нынешней Германии приведут к катастрофе и его самого, и немцев. А я очень надеюсь, что представления Сталина о России, в отличие от Гитлера, более трезвые. Сдаётся мне, что за стодневную войну и я его чему-то научил.

– Каким вам видится ваше возвращение в Россию? – вернулся к больной для себя теме Пул-Пулков.

– С меня будет довольно, если вы выбросите меня с парашютом за линией фронта. Хотя предпочтительнее оказаться за кольцом Ленинградской блокады, – обыденно, точно речь шла о поездке в трамвае, проговорил Суровцев.

– Значит, способ преодоления линии фронта остаётся прежним? – уточнил Пулков.

– Да, – коротко подтвердил Суровцев.

– Не боитесь? – в свой черёд спросил Маннергейм.

– Боюсь. А что поделаешь? Хотя должен заметить, что прыгнуть с парашютом более безопасно, чем сдавать экзамен по верховой езде в академии. Смертельных случаев ничуть не больше. Если не меньше. К тому же свой парашют укладываешь сам. Сам за всё и отвечаешь. Кстати, перед своим первым прыжком я узнал любопытный факт. Маршал Будённый, уже будучи маршалом, совершил прыжок с парашютом.

– В личной храбрости Будённого я имел честь убедиться, когда он был еще вахмистром и моим подчинённым. Но как можно сравнивать лошадь с бездушным аэропланом и парашютом?

– Вы же сами говорили, что нам выпало жить во времена перемен, – резонно заметил в ответ Сергей Георгиевич.

– Перемены переменами, но с уходом лошади из военной службы из военного дела уходит душа.

– Ваше высокопревосходительство, – не без горести заметил Суровцев, – военное дело всей своей историей доказывает, что душа – понятие эфемерное, абстрактное и лишнее, когда дело касается войны и тем более переустройства мира.

– Да и правда, – неожиданно легко согласился хозяин замка. – Приготовьте всё для перелёта, – обращался он уже к Пулу. – По готовности – доложите.

– Слушаюсь, – не скрывая воодушевления, ответил Пул. – Разрешите идти?

– Ступайте, голубчик. Готовьте переброску, – разрешил главнокомандующий.

– Честь имею, – откланялся Пул.

Точно обрадовавшись, Пул отправился выполнять приказ барона. Шаги генерала гулко отдавались под сводами зала, когда он, почти беззвучно проходя по очередному ковру, снова ступал на широкие доски дубового пола. Суровцев подумал, что он, Суровцев, вероятно, умнее Пулкова-Пула. Аристократическая привычка Маннергейма недоговаривать или говорить намёками и полунамёками была неприемлема для финского генерала русского происхождения. Хотя, может быть, это такой способ сохранения своей личности от неминуемых противоречий.

В душе у Суровцева никаких противоречий не возникло. Наоборот, после сегодняшнего разговора он становился спокойнее и увереннее. В голове складывалась некая стойкая система понятий.

– Моё присутствие оказалось тягостным для Алексея, – проводив взглядом Пулкова и точно закрыв за ним мысленно дверь, проговорил Суровцев.

– Что поделаешь, голубчик? Что поделаешь? – вопросами отвечал на его замечание пожилой и величавый барон. – Наш Алеша не желает делать и шага по пути горестных прозрений. И не будем его строго за это судить. Что до вас, голубчик, вам перед возвращением необходимо посмотреть ещё некоторые документы. Письма. Я прикажу их вам доставить. В отличие от Александра Николаевича, я не могу оставить вам подлинники. Это в руках Сталина может стать опасным оружием против меня самого. Но я считаю нужным сообщить главе России содержание моей переписки.

Сергей Георгиевич, не скрывая удивления, поднял глаза на фельдмаршала.

– Пусть это будет компенсацией за то, что я читал и продолжаю читать ваши радиogramмы, – улыбаясь, проговорил главнокомандующий. – Кстати, откуда ваше столь примечательное агентурное имя Грифон?

– Представьте себе, ваше превосходительство, мне его присвоил Сталин.

Маннергейма поразил такой, казалось бы простой, факт. И он не стал этого скрывать:

– Я иногда готов думать, что Сталин – это нечто вроде Шекспира... То ли историческая личность, то ли плод коллективного творчества. Я совсем не удивлюсь, если Сталин знает и об аримаспах.

– А кто это, позвольте спросить? – пришёл черёд удивляться Суровцева.

– Как, вы не знаете?

– Никак нет, ваше превосходительство...

– Ну как же... Аримаспы – это враги грифонов. Вы сегодня вспоминали «Фауста». Там в главе «Вальпургиева ночь» муравьи-золотодобытчики жалуются грифам-грифонам, что одноглазые великаны-похитители, аримаспы, воруют у них золото. «Настигнут наши их клыки и когти!» – поют грифоны. На что аримаспы им отвечают: «Оставьте пыл напрасного труда. Кусать свои останетса вам локти. Мы за ночь всё растащим без следа».

– Да, конечно, читать чужие письма неприлично, – не без иронии продолжил Маннергейм, – но не так часто разведчику выпадает счастье взглянуть на автографы современных ему политических деятелей и вождей. Кстати говоря, в мае этого года, за месяц до немецкого вторжения в Россию, я письменно предупредил Сталина о нападении. Но то ли личность посредника, моего однокашника генерала и князя Голицына, не вызвала доверия, то ли моя личность показалась провокаторской, но то сообщение через советское посольство в Лондоне никак не сказалось на дальнейших событиях. Сталин мне не поверил. Впрочем, надо признать, основания к тому у него были и есть. Как же вы правы, голубчик, насчёт элиты! Действительно, сформировать национальную политическую элиту с классовых позиций у большевиков не очень получается. И как-то подозрительно легко национальная элита сложилась у Гитлера. Есть ещё интересный аспект у проблемы. Аристократию, дворянство прежде упрекали в оторванности от народных масс. Но то, что именно эти слои прежде всего уничтожают в революциях с интернациональными лозунгами, наводит на мысли, что дворянство – самый убеждённый носитель национальных идей.

– Необязательно, – заметил Суровцев, – но при приёме в масонскую ложу это учитывалось. Масоны не считали аристократов людьми надёжными.

– Кстати, я до сих пор не знаю, что произошло между вами и масонами такое, что вы удостоились от них смертного приговора.

– Если бы речь шла только о факте приговора, – искренне посетовал Сергей Георгиевич. – У меня есть основания полагать, что он не отменён по сию пору.

– Так чем же вы им так насолили?

– Я передал по службе любопытный список, который мне довелось увидеть в ложе. В списке оказалось семнадцать «братьев» самых высоких градусов посвящения с указанием не только имён и фамилий, но и должностей и постов во всех русских посольствах. И кого там только не было: от первого секретаря посольства в США Набокова до главы дипломатических миссий в Бразилии, Уругвае, Парагвае и Чили Щербацкого! Я уже не говорю о посланниках, советниках, консулах, поверенных в делах во Франции, Италии, Швеции, Швейцарии, Персии, Китае. Даже в Монголии. А фамилии каковы! Бенкендорф, Кандауров, Неклюдов, Лорис-Меликов, Поклёвский-Козел, двое Бахметьевых, Кудашев, Минорский! Как они защищали интересы родины перед правительствами стран, в которых были аккредитованы, можно и не говорить. А уж как они выламывали руки царю и правительству, когда толкали страну сначала на войну, а затем на её продолжение. Вот за то, что этот список стал известен русской контрразведке, и за то, что наши «братья» всех послушаний слушаются отнюдь не голоса совести и долга, меня несколько раз пытались убить. Дважды во время Гражданской войны. И что самое интересное, по разные стороны фронта. И у красных, и у белых...

– Таким образом, вас в России удерживал и этот факт, а не только причастность к золотому запасу...

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

– Скажите, теперь вы понимаете истинные причины моего отказа выступить посредником в переговорах с Гитлером?

– Да. Англичане и американцы просто не позволят вам этого сделать.

Маннергейм закивал головой:

– Их коварство не знает границ. И это хороший признак, что Сталин внешне не проявил интереса к золоту Колчака. Будем надеяться, он начинает понимать, что в результате нынешней войны всё золото мира должно оказаться за океаном. А расплачиваться по ленд-лизу золотом – значит обрекать страну на послевоенную зависимость и нужду.

Глава 4 Даёшь!

1920 год. Июнь. Украина

Два года назад пятисоттысячная немецкая армия, ведомая своим надёжным проводником Симоном Петлюрой, прошагала по всей Украине до самого Дона. Здесь Петлюра, что называется из рук в руки, передал германцев ещё одному германofilу – донскому атаману Краснову. Это как же надо было ненавидеть Петлюре «проклятых москалей», чтобы, как коврик под ноги, постелить под кованые немецкие сапоги свою «ридну Украйну»!

Немецкие интересы, подпитываемые украинским хлебом и салом, не находили, казалось бы, никаких препятствий на пути к донецкому углю и кавказской нефти. Но в ноябре 1918 года в Германии грянул свой революционный переворот. Полумиллионная армия захватчиков как пришла, так и ушла. Большевицкая мечта о мировой революции, казалось бы, сбывалась на глазах изумлённых современников. Немцы отправились на родину пожинать плоды своего переворота. Не оправдались надежды на «дружественные штыки» и у атамана Краснова. Но у Петлюры изначально было хуже. Гетманскую булаву оккупанты вручили не ему, а бывшему царскому генералу Скоропадскому.

Вместе с недавними захватчиками гетман Скоропадский вскоре и покинул Украину, одинаково боясь и красных, и белых. А у власти уже была националистическая, петлюровская директория, основной целью которой было отделение от России. «В вагоне директория. Под вагоном – территория», – острили в то время. А все эти два года метался по родной земле батька Махно, тщетно формулируя свою украинскую идею, пытаясь на практике объединить анархизм с чаяниями украинского хлебопашца о земле и свободной торговле. Будучи патриотом, батька, не задумываясь, выступал против немцев. Будучи революционером, воевал против белых. Большевики со своей диктатурой пролетариата тоже мало устраивали крестьянского по происхождению и духу батьку. Но большевики для него и тогда были более предпочтительные союзники, чем беспринципный в своих амбициях Петлюра.

Штормовая волна русской революции взлетела до своей самой крайней и высокой точки. И теперь волна обратная разошлась по всему миру, смывая прежние представления, разрушая устоявшиеся понятия и смыслы. Миру становилось совершенно ясно, что последствия этого обратного вала могут оказаться самыми неожиданными и неприятными. Революция в Германии. Революция в Венгрии. Точно испугавшись возможных революций у себя, отправились по домам представители Антанты – французы, англичане и американцы. Прочь из этой непонятной и теперь уже по-новому опасной России! «Мы, на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем!» – то ли сам придумал, то ли зарифмовал взгляды на мировую революцию Троцкого Владимир Маяковский. Мировой пожар должен был вот-вот начаться. И вот те на...

К военным потрясениям в годы Гражданской войны советская Россия привыкла. Но польское вторжение 25 апреля 1920 года на территорию бывшей Российской империи явилось одним из самых сильных идеологических потрясений для новой власти.

Как проверенный проводник, Петлюра вёл на Украину теперь поляков, возглавляемых начальником Польши Юзефом Пилсудским. Трудно поверить, но такое звание присвоил Пилсудскому польский сейм. Получившее независимость из рук советского правитель-

ства бывшее Королевство Польское пошло войной на своих благодетелей – большевиков. Вдруг выяснилось, что революции – революциями, международная солидарность трудящихся – солидарностью, интернационализм – интернационализмом, а национальных интересов никто не отменял. И агрессор всегда остаётся агрессором.

Обстановка на западных рубежах страны складывалась угрожающая. Севернее Полесья, на смоленском направлении, развернулись три польские армии (4-я, 1-я и 7-я), имевшие 787 000 штыков и сабель.

Им противостояли войска Красной армии Западного фронта. В состав последнего входили 15-я и 16-я армии, имевшие 49 610 бойцов и командиров.

Южнее Полесья, на киевском направлении, развернулись 6-я, 2-я и 3-я польские армии, общий боевой состав которых достигал 65 300 штыков и сабель. Против них оборонялись две армии Юго-Западного фронта (12-я и 14-я), насчитывающие в своих рядах всего 15 654 человека. Кроме того, в состав Юго-Западного фронта входила 13-я армия, которая действовала на побережье Чёрного моря против войск Врангеля. 13-я армия имела свыше 12 700 бойцов и командиров. Но нечего было и думать, чтобы повернуть эту армию против польских войск. Свои недобитые, озлобленные поражениями белогвардейцы в любой момент были готовы перейти в контрнаступление. Трудно утверждать точно, но складывается впечатление, что действия войск Пилсудского и Врангеля были скоординированы. А было под началом Врангеля свыше 25 тысяч активных бойцов. Хороши остатки! Имелись ещё и значительные резервы.

Таким образом, враг на всех направлениях располагал численным превосходством, но особенно невыгодным было соотношение сил на киевском направлении – 4:1 в пользу поляков. Запомним эту цифру соотношения сил – 4:1. Именно ради неё пришлось так долго перечислять номера частей и соединений и их численность. Нам это важно для дальнейшего понимания происходивших событий. Оказавших влияние на два десятилетия жизни страны.

Используя подавляющее численное превосходство, поляки вели наступление на фронте от реки Припять до Днестра. Войска Пилсудского отбросили 12-ю армию красных на восточный берег Днепра и 7 мая 1920 года вошли в Киев.

Совершив тысячекilометровый марш из района Майкопа, на Юго-Западный фронт прибыла 1-я Конная армия под командованием Будённого. 27 мая Конармия с налета сшиблась с войсками киевской группировки противника. Фланги последней охватили войска 12-й армии и Фастовской группы. Части 2-й польской армии сдержали кавалерийский наскок будённовцев. Прорвать польский фронт с первой попытки не удалось. Но и при первом же столкновении с конармейцами польским военачальникам стало ясно, что на ближайшие недели и месяцы головная боль им обеспечена.

Конармия принимала пополнение. На железнодорожных путях станции Умань перед высоким и вытянутым зданием вокзала, напоминавшим своей формой паровоз без тендера, стояли вперемешку бывалые конармейцы и вновь прибывшая «живая сила». Бойцы-конники представляли собой живописное зрелище. Многие оказались переодеты в добротные польские мундиры английского производства. На ногах у некоторых оказались трофейные сапоги качественной выделки. Такие сапоги можно было увидеть до революции разве только на ногах царских генералов да ещё, пожалуй, на ногах гвардии.

Кое-кто для потехи надел на головы высокие, с квадратной тульей конфедератки польских офицеров-кавалеристов, которые представляли собой подобие старинных киверов. Передний угол этого головного убора заносчиво задирался вверх на линии носа, противоположный сзади глядел вниз, а два боковых глядели в стороны. Прекрасное целеуказание для метких стрелков! А ещё почему-то эти головные уборы, как и самих поляков, которых тра-

диционно связывали в понимании со шляхтой, обозначали странной фразой-определением: «Туды-сюды – обратно должен».

Знаменитые заострённые будёновки и шинели с голубыми широкими полосами-застёжками в большом количестве появятся в Конармии чуть позже. Поступавшие в армию с 1919 года новые головные уборы-шлемы пока ещё не прижились окончательно. Даже название их только определялось. То их именовали «богатырьками», то «фрунзевками», пока третье название «будёновка» не стало основным и главным. Да и обмундированы конармейцы были кто во что горазд. Зато вооружены все буквально до зубов.

Помимо шашек через плечо, винтовок и карабинов за спиной, за поясные ремни заткнуты револьверы, пистолеты, гранаты, а у кого-то и кавказский кинжал. Разношёрстным выглядело и пополнение. Стояли кучей казаки, брошенные деникинским командованием на произвол судьбы в районе Новороссийска и теперь мобилизованные в Красную армию. Отдельной группой выделялись моряки затопленного Черноморского флота. Особняком держались бывшие офицеры. Среди них и Суворцев. Волей судьбы он, пробиравшийся в Крым к Врангелю, оказался на Украине, в полосе наступления Конармии Будённого. Просто вырваться из этого потока теперь не представлялось возможным.

Он внимательно изучал конармейцев. Таких залихватских воинов, пожалуй, ещё не видел. Даже наводившие в своё время ужас на немцев конники Дикой дивизии, состоявшей из представителей горских народов, казались бы рядом менее дикими, чем они. Вся эта боевая и отчаянная масса насквозь пропиталась запахом своего и лошадиного пота, дымом самосада и пороха и неизменным запахом навоза, неотвязно сопровождающим всех кавалеристов. Казалось, что пахнет от них самой смертью...

– И теперь, товарищи, – кричал с железнодорожной артиллерийской платформы высокой оратор в кожаной куртке, – республика ждёт от вас новых подвигов во славу революции! Да здравствует революция, товарищи!

Комиссар был перепоян ремнями. У бедра моталась деревянная кобура с маузером. Но обязательная для этого соединения шашка у него отсутствовала. Зато принадлежность к коннице были призваны обозначить забавные кавалерийские галифе, заднюю сторону которых составляла большая, светло-коричневого цвета, кожаная вставка, называемая леей.

Против ожидания оратора никто поддерживать его речь не стал. Суворцеву становилось любопытно наблюдать происходящее. Он насмотрелся и наслушался всяких митингов. И если сразу после Февральской революции и Октябрьского переворота все кричали и аплодировали после любого призыва и лозунга, то теперь люди проявляли заметную сдержанность.

Вдруг толпа оживилась, и гул человеческих голосов, подобно волне, стал нарастать и распространяться, покотившись от здания вокзала по всему пространству, заполненному конармейцами и пополнением. Через живой людской коридор по перрону шагали Будённый и Ворошилов.

– Да здравствует товарищ Будённый! – кричал кто-то.

– Да здравствует Ворошилов! – подхватывал другой голос.

– Даёшь! – кричали все.

Пожалуй, только бывшие офицеры или не кричали, или же вяло обозначали это приветствие. Ворошилов поднял руку. Люди замолчали.

– Продолжайте, товарищ! – крикнул Ворошилов комиссару, стоявшему на платформе.

Комиссар смутился. Что еще говорить, он не знал. Точно желая отчитаться и оправдаться перед командованием Конармии, он отошёл от пушки, стоявшей за его спиной, и стал продолжать свою довольно путаную речь.

– Ивлев, – тихо сказал Будённому Ворошилов. – Главный из присланных комиссаров.

Будённый кивнул и, разгладив пальцем в разные стороны пышные вахмистровские усы, приготовился слушать.

– Польский народ сам не раз изведal иноземное иго. Рабочие, крестьяне, все лучшие сыны польского народа и сейчас изнывают под гнётом своих помещиков и капиталистов! – громко кричал оратор. – Часть из них обманули и заставили обманом воевать против Советской республики. Другая, большая часть, изнывает от польских эксплуататоров в самой Польше.

– Так изныв серденьком сынку, шо аж в Киеве задом сив! – крикнул из толпы какой-то конармейский командир.

В толпе захохотали. Судя по двуременной портупее, по биноклю и по ордену Красного Знамени на груди – это был командир боевой и заслуженный. Не обратив внимания на язвительное замечание этого командира, комиссар продолжал:

– Но недалёк тот день, товарищи, когда пожар мировой революции докатится до Польши. И пусть Пилсудский не думает, что советская власть не способна себя защитить. Пусть не надеется, что пролетариат братской Польши останется без революционной поддержки. И залогом тому наша солидарность с польским народом.

– А шо пану Пилсудскому тут гадать? Вин и так баче, шо наши комиссары зовсим ебу дались. Якая ще солидарность? – во всё горло закричал командир с орденом.

В толпе, приготовившейся было к весёлому и забавному мероприятию, теперь раздались свист и улюлюканье.

– А ну, геть с трибуны, фофан пёстрогадый! – опять подал голос командир.

И опять всеобщий смех и гогот. Бойцы по достоинству оценили комиссарские галифе с кожаной леей сзади. Толпу начинало качать от готовности посмеяться до желания поиздеваться самым изощрённым образом. Опытный в ведении митингов Ворошилов не хотел выступать, но, ещё более раздражаясь, понимал, что выступать ему придётся. «Прав Сталин. Где только Всероссийское бюро комиссаров выискивает таких бестолковых политработников?» – думал он. «Этот парень в самом деле не понимает, что ли, с какими бойцами имеет дело? Чёрт-те кого присылают! Да и остальное пополнение?! На чёрта в их Конармии нужны, например, матросы?» – злился ещё больше Ворошилов.

– Вот что, Клим, – хмуро сказал ему Будённый, рассуждавший про себя примерно так же, – сворачивай эту лавочку. Займись пополнением, я пойду к коням. Меня-то пополнение больше заботит. Тоже живая сила. Пойду. Кони, они не митингуют, в бою не трусят, горилку не жрут и без слов всё понимают.

Ворошилов кивнул в знак согласия.

– Ну, шо ты, доня, очи долу ховаешь? – продолжал издеваться над незадачливым комиссаром командир, говоривший суржилом – эдакая смесь украинского, белорусского и русского языков.

– Гриценко! – прикрикнул на орденосца Ворошилов.

– Да что он, товарищ Ворошилов, басни нам тут рассказывает, – неожиданно на чисто русском языке отвечал ему командир, не без успеха осваивающий речь своих подчинённых.

Суровцев подобно Ворошилову ясно осознавал, что прежние революционные лозунги для войны с Польшей явно не годились. Как не раз случалось в его жизни, он в одно мгновение осознал всю важность и решительность момента. Всю его значимость и для ситуации, а возможно, что и для дальнейшей собственной судьбы и жизни. В отличие от окружающего большинства он впервые услышал фамилию Пилсудского ещё в 1914 году. Знал он даже примечательную биографию бывшего социалиста, журналиста и организатора громких экспроприаций, затем командира 1-го Корпуса польских легионеров, а вот теперь начальника Польши Юзефа Пилсудского.

Суровцев почувствовал, что ему нужно действовать, как это не раз бывало на войне, быстро и решительно. Не ускользнуло от его внимания и раздражение второго по значимости человека в армии Будённого – Климента Ефремовича Ворошилова. Сергей Георгиевич быстро взобрался на платформу-трибуну. Поднял над головой обе руки, призывая к тишине. Не давая даже рассмотреть себя, не допустив ни единой лишней секунды паузы, он крикнул:

– Товарищи! Товарищи, – уже более спокойно, выверенно, внятно и чётко продолжал он. – Должен вас разочаровать, а может быть, и обрадовать. К нам пришли не какие-то там обманутые польские пролетарии и крестьяне. К нам явилась польская шляхта со своей вековой мечтой о Польше от моря до моря. Или, как они сами говорят, «от може до може». И пришли они к нам с твёрдым намерением иметь границу с Россией по Днепру. А если получится, то как можно дальше на восток. Будет или не будет революция в Польше, а бить их надо уже сейчас.

– Кто вы такой? – сжимая зубы, с высоты своего высокого роста спросил Суровцева представитель Всероссийского бюро комиссаров.

– Дай сказать военспецу! – крикнул кто-то из числа моряков. – Надо будет, сами штыками сгоним.

– А мы и шашками почиркать можем. Хоть военспеца, хоть тебя, комиссар! – крикнули из глубины толпы.

– И зад твой кожаный не спасёт, – рассмеялся кто-то.

Толпа весело и грозно смеялась.

– Пусть говорит! – кричало несколько голосов.

Собиравшийся забраться на платформу Ворошилов теперь сам с интересом готов был послушать бывшего офицера. Тем более что согнать его с трибуны действительно не представляло большого труда. Тут не пришлось бы и вмешиваться. Он был уверен в своих бояцах.

– Продолжайте, товарищ, – хозяйским тоном громко разрешил Ворошилов через головы первоконников.

Суровцев и продолжал:

– Кто я такой? Я русский офицер, по призыву генералов Брусилова, Поливанова и других членов Особого совещания при Реввоенсовете республики вступающий в Красную армию. А с легионерами Пилсудского я имел возможность столкнуться в галицийских полях под командой того же Алексея Алексеевича Брусилова. С коим имел и имею честь быть знаком лично. Юзеф Пилсудский воевал тогда против России, то есть против нас с вами, на стороне немцев. И, должен вам заметить, воевал отчаянно. Вояки они бывалые, стойкие, опытные и решительные в бою. Жестокие к пленным и беспощадные к мирным жителям. И опять должен повторить – это представители именно шляхты, а не пролетариата и крестьянства. До революции в России один дворянин приходился на двести человек населения. Это привело к революции. В Польше один шляхтич приходится на десять человек простого люда. Польский крестьянин никогда не мог их всех прокормить. Вот и получается, что шляхетское сословие, как жаждало прежде, так жаждет и теперь получить под своё господство украинское и белорусское «быдло»!

– А хрена в грызло они не хотят? – крикнул одинокий высокий голос.

Сдержанный гул голосов прошёл над людскими головами.

– Когда ваши прадеды подавляли польское восстание 1863 года, – почти обычным, негромким голосом продолжал Суровцев, – то подавляли они не восстание польского народа, а восстание шляхты, которой не понравилось, что польский крестьянин получил от русского царя в собственность всю землю, имевшуюся в Королевстве Польском. И заметьте, получил он её не так, как это было в России, а безвозмездно, без всякого выкупа. Да ещё и самоуправ-

ление к свободе и земле в придачу. Крестьяне сразу сделались панами, а шляхта разом потеряла одну тысячу шестьсот именей. Как не восстать!

Ворошилов пробежал взглядом по внимательным лицам конармейцев. «Грамотный чёрт», – думал он о Суровцеве. «Знать бы самому всё это – я нашёл бы, как это нужно преподать бойцам и командирам. Даже комиссарам», – продолжал размышлять Климент Ефремович. Но ему не могло нравиться, что бывший офицер по всем статьям переигрывал комиссара-большевика. Бойцы подозрительно внимательно его слушали. Точно подтверждая его мысли, командир-орденоносец по фамилии Гриценко вдруг выкрикнул:

– Комиссар, учись мысли излагать. Давай, офицерюга, глаголь насущное!

– Трави, хлопче! – крикнул рыжий, небольшого роста рядовой конармеец, стоящий рядом с Гриценко.

Суровцев впервые выступал на митинге. И впервые осознал, почему многие люди так рвались и рвутся на трибуну. Хорошо подвешенный язык может творить чудеса. Он ощутил свою власть над огромным количеством людей. И одно дело понимать, что такое возможно, а другое дело ощущать эту власть. Но, как это часто бывало в те годы со многими ораторами, он потерял чувство меры, когда продолжил:

– За всю нашу историю дважды польские захватчики были в Москве. В шестисоттысячной армии Наполеона Бонапарта было ни много ни мало сто тысяч поляков. А в первый раз они пришли во времена смуты, когда тащили на русский престол Гришку Отрепьева. И если бы не народное ополчение Минина и Пожарского, то не известно, по какому пути могла бы пойти вся русская история. А сегодня поляки в матери городов русских – в Киеве. Всегда, когда у нас смута – поляки тут как тут!

Ворошилов вздрогнул и, ни секунды больше не раздумывая, прыгнул с перрона. Как пловец, через людское море направился к платформе-трибуне. Суровцев понял, что допустил досадный промах. Но было поздно что-то исправить. Ворошилов с недовольным, хмурым лицом взбирался на платформу. Взобравшись, он вдруг выхватил из ножен шашку и, не скрывая злобы, с угрозой спросил:

– Это наша революция смута?

«Быстро отступить назад. Выхватить наган и выстрелить ему в лоб. Потом, наверное, пристрелить комиссара. А потом уже без разницы... Или самому стреляться, или ждать, когда пристрелят или зарубят», – вихрем пронеслись в голове Суровцева отчаянные мысли.

– Отвечать! – крикнул, как рубанул шашкой, Ворошилов.

Суровцев глядел в глаза Ворошилову. «Нет, рубить он никого не будет. Это всё из разряда театральных жестов», – понял Суровцев.

– Революция – это смута? – чуть придвинувшись к нему, ещё раз спросил Ворошилов.

– Нет, конечно, – вполне искренне ответил Суровцев.

Он давно уже перестал считать русскую революцию просто смутой.

– Товарищи будённовцы, – обратился Ворошилов к бойцам, – всё правильно обсказал бывший их благородие. Но вот никак не мог не обделаться в конце. На то он и бывший... Этот тоже, хорош гусь, – ткнул он шашкой в сторону комиссара, – плёл-плёл, а чего – и сам не понял. А я вот что вам скажу... Воюем мы не с поляками, а с белополяками! Вот и весь сказ. Мы уже бьём их в хвост и в гриву. И дальше будем бить. Мы им квадратные башки враз где округлим, а где и подрубим. Всё. Митинг окончен!

– Да здравствует товарищ Ворошилов! – кричали из толпы.

И точно перебивая друг друга, с разных концов закричали:

– Да здравствует товарищ Будённый!

– Даёшь Киев!

– Даёшь Варшаву!

– Даёшь!

– Ура! – редела толпа.

В конце концов, сорвались на старорежимное «ура!». С этим военным кличем в Красной армии боролись. Было идеологическое неудобство – белогвардейцы шли в атаку с таким же «ура!». Но слишком много было за этим словом исторической памяти, чтоб так просто заменить его ничего никому не говорящим «даёшь!». В толпе стали стрелять в воздух. Ворошилов, Суровцев и комиссар поочередно спрыгнули с платформы на землю. К ним протиснулся орденосеи Гриценко. За ним, как нитка за иголкой, проследовал рыжий конармеец.

– Климент Ефремович, – язвительно обратился орденосеи к Ворошилову, – а у меня на шашке, сталью по стали, начертано: «Без нужды не вынимай. Без славы не вставляй».

– Ну-ка, пошёл отсюда, – вставляя шашку в ножны, отвечал Ворошилов, – умник. Ступай к своему полку.

– Успеется, – достаточно развязно отвечал Гриценко.

С дисциплиной в Конармии были большие проблемы. Но со всей ответственностью нужно сказать: дисциплина в ней была. Просто строилась она по своим особым, революционным, законам и принципам.

– Я смотрю, вы тут военспецов больше слушаете, чем полномочного комиссара, – обиженно выговорил Ворошилову комиссар Ивлев.

– Да вы не пугайтесь, товарищ комиссар, – весело отозвался стоявший рядом веснушчатый боец. – Мы военспецов богато порубали. Капусты в другую осень меньше шинкуют.

– Какое звание в царской армии было? – спросил Ворошилов Суровцева.

– Полковник, – коротко ответил Суровцев.

Ворошилов, Гриценко, да и комиссар недоверчиво осмотрели совсем не полковничью фигуру и статью Суровцева. «Поручик, штабс-капитан – это куда ни шло. Но для полковника слишком молод», – примерно так подумали все трое. Знали бы они, что перед ними стоит генерал-майор белой армии! Тем более не поверили бы.

– Ладно. Разберёмся, – сказал Ворошилов. – Собери-ка всех бывших офицеров на привокзальной площади. Люди вы для нас тёмные. С вами будем говорить с каждым в отдельности.

– Есть! – едва не вскинул ладонь к козырьку фуражки Суровцев. – Слушаюсь!

Четко повернулся кругом. Отойти четко не представилось возможным. Пришлось протискиваться через любопытную людскую массу.

– Теперь с тобой разберёмся, – повернулся Ворошилов к комиссару. – Закон у нас простой. Он и военспецов, и комиссаров, и простых бойцов касается. Все начинают службу рядовыми. После первого боя решаем, где чьё место.

– Права не имеете! – достаточно уверенно возразил комиссар.

– Имеем, – ещё более уверенно перебил его Ворошилов. – Мало того, имею личное указание члена военного совета Юго-Западного фронта товарища Сталина всех комиссаров, не оправдавших доверие партии, расстреливать перед строем как трусов и дезертиров.

– Вот такие у нас дела, товарищ комиссар, – вставил своё слово и Гриценко.

– А ты, – обратился Ворошилов к Гриценко, – снаряди из своих хохлов пулемётную команду – и тоже на привокзальную площадь. Сразу пусть не светятся, а к началу разговора, чтоб все бывшие на мушке были. А то у них как всегда... по нагану по карманам... Короче, сам всё знаешь.

– Сделаем, – пообещал Гриценко. – Климент Ефремович, я этого бывшего полковника к себе заберу? Сдаётся мне, он не простой полковник. Шибко он грамотный, да молодой и ранний.

– Да погодь ты. С ним ещё особый отдел разговаривать будет, – попытался отмахнуться от Гриценко Ворошилов.

– Вот после разговора и заберу, – не унимался Гриценко. – Я уже второй месяц без начальника штаба воюю.

– А кто тебе виноват, что прежнего начальника штаба ты расстрелял?

– Не расстреляй я – бойцы порубали бы!

– Ладно. Там видно будет, – обнадёжил Гриценко Ворошилов.

Процедура вступления бывших офицеров в Конармию была отлажена до мелочей. Первым и самым унижительным её этапом часто был обыск и изъятие личного оружия бывших офицеров. Пика, шашка и винтовка – вот что положено иметь рядовому бойцу. Впрочем, пики в Конармии не жаловали. В ближнем бою предпочитали использовать револьверы и пистолеты. Но обзавестись наганами и даже особо ценимыми за вместительный магазин и точный бой маузерами позволялось не сразу. Зачислялись бывшие офицеры как рядовые бойцы. Но после первых боёв, если они оставались живы, их обычно использовали на командных должностях.

Процедура обыска часто происходила под стволами пулемётов. Офицеры, сопротивляющиеся обыску, безжалостно выбраковывались как не поддающийся перевоспитанию, не демократический элемент. С такими долго не церемонились. Бывало и так, что сразу отводили в сторону и расстреливали. Среди личных вещей искали следы пребывания в белой армии. Ордена не отбирали. Наоборот, интересовались – за что кресты получены? В Конармии все знали, что сам командарм Будённый – полный георгиевский кавалер. Он теперь не носит, но бережно хранит все свои награды. А свой первый крест вахмистр Будённый получил, говорили, ещё за русско-японскую войну в 1904 году. Награды могли многое рассказать. Так офицерский Георгиевский крест III степени у Суровцева красноречиво говорил о том, что, кроме этого креста, он награждён ещё одним таким же IV степени. А также орденами Святого Владимира, Анны и Станислава, которые предшествуют награждению Георгием.

Собеседование в особом отделе начиналось с изучения послужного списка офицера. Записи в послужном списке обычно обрывались записью 1917 года. Круг вопросов крутился вокруг двух главных: «Где вы находились и чем занимались с октября семнадцатого года по сегодняшний день?», «Служили в белой армии?».

Суровцев по месяцам расписывал два года своей не простой жизни. Из его биографии этого периода следовало, что от всех мобилизаций как в белую, так и в красную армию он до сих пор уворачивался. Что было абсолютной ложью. Написал, что дважды перенёс тиф. Что было полуправдой. Но посвящать в истинные перипетии своей жизни этого периода он никого не собирался. Чем могли бы закончиться для него правдивые признания, можно было даже не сомневаться. На вопрос особиста-латыша «Почему вы вступаете в Красную армию?» – Суровцев молча протянул ему большевистскую «Правду» от 23 мая 1920 года с воззванием, начинавшимся словами «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». Теперь, когда Суровцев дописывал свои «правдивые показания», чекист с интересом читал знаменитое воззвание. Вот строки из газеты:

«В этот критический момент нашей народной жизни мы, ваши боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанёс, и добровольно идти с полным самоотвержением в Красную Армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить её расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что

мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию.

Председатель особого совещания при главнокомандующем А.А. Брусилов, члены особого совещания А.А. Поливанов, В.Н. Клембовский, Д.П. Парский, А.С. Валуев, А.В. Гутор».

С двумя генералами, поставившими свои подписи под воззванием, Суровцев был знаком лично. К штабу армии Брусилова он был прикомандирован разведывательным отделением Генерального штаба. Было это во время Брусиловского прорыва. А генералу Поливанову он был обязан зачислением в Академию. Его резолюция со словами «зачислить и старого и малого» определила в своё время направление всей жизни Суровцева.

– Я забираю вашу газету, – заявил с акцентом чекист.

– Как знаете, – ответил Суровцев.

Но оставить номер «Правды» в особом отделе армии не пришлось. Без стука в кабинет вошёл Ворошилов. С порога спросил:

– Закончил?

– Заканчиваем, – забирая у Сергея Георгиевича текст биографии, проговорил чекист.

– А это что у тебя? – Ворошилов, не церемонясь, взял со стола особиста «Правду».

Стал читать. Особист бросил недовольный взгляд в сторону Ворошилова, но ничего не сказал. Сам, так же молча, стал читать биографию бывшего офицера. Молчание нарушил Ворошилов:

– Так ты говорил на митинге, что воевал под командой Брусилова?

– Так точно, – ответил Суровцев.

– Пошли. Я его забираю, – заявил он чекисту. – Газету тоже возьму.

– Я ещё не закончил, – стал было возражать военный чекист.

– Потом закончишь. Я его тебе через полчаса верну. Иди за мной, – приказал он Суровцеву.

За десять минут до этого в штабе армии произошла примечательная сцена. Телеграфный аппарат Боде, только что приведённый в рабочее состояние, выдал сообщение. Минута штаб фронта, Москва приказывала: «Буденному. Ворошилову. Двигаться в общем направлении на Киев. Ваши соображения после освобождения Киева. Брусилов. Поливанов».

– Какие соображения! У меня и карт дальше Киева нет! – раздражённо изрёк Будённый.

– Нам такое доверие оказывают, а ты злишься. Погоди, Семён Михайлович. Я сейчас, – сказал Ворошилов и быстро пошёл к входной двери.

– Ты куда? – спросил Будённый.

– У нас тут военспец один умный завёлся. Сейчас приду. А ты отстучи в Москву, что обдумаем и доложим.

– Давай, работай, – обратился Будённый к телеграфисту.

Телеграфист быстро отстучал телеграфным ключом: «Обдумаем. Доложим». Через минуту аппарат снова ожил, и на телеграфной ленте отпечатались только одно короткое слово: «Ждём». Будённый выругался. Немного успокоившись, добавил:

– Ну, ждите.

Суровцев стоял перед Будённым по стойке «смирно». Если он уже имел какое-то представление о характере Ворошилова, то командарм был для него человек новый. А смотрел командарм грозно. Во всей его фигуре чувствовалась не малая, жестокая сила лихого рубаки. Такие конники способны разрубить человека от плеча до самого седла. Что не раз за свою

жизнь и проделывал Семён Михайлович Будённый. Ворошилов же повёл себя как-то по-свойски.

– Ну-ка ответь-ка нам, господин бывший полковник. Раз ты в Брусиловском прорыве участвовал, то местность к западу от Киева должен помнить наизусть? Правильно я говорю? – спросил он Суровцева.

– В общих чертах, да, – ответил Сергей Георгиевич, не понимая, что от него хотят.

– Допустим, мы уже в Киеве, – продолжал Ворошилов. – Каковы могут быть наши действия?

– Карты, я так понял, нет? – догадался Суровцев.

– Ты отвечай, а не спрашивай, – пристально и недобро глядя в глаза Суровцеву, произнёс Будённый.

В сознании Суровцева, как на фотобумаге, медленно проявлялась карта.

– Нужно знать направление главного удара соседей, – задумчиво проговорил Суровцев. – Даже не так. Это может быть ещё и неопределённо, и совершенно секретно. Но вот знать сегодняшней район сосредоточения войск соседнего фронта нужно. Оттуда наступают соседи? Я так понимаю, что речь идёт о наступлении.

– Правильно понимаешь, – хмуро подтвердил Будённый. Он сам должен был сразу же спросить об этом представителей Особого совещания. – Стучи, – переключил он своё внимание на телеграфиста. – Какое направление соседей? Район сосредоточения.

«Направление соседей. Район сосредоточения» – передал телеграфист в Москву.

«Общее направление – Полесье. Из района Двинска, Полоцка, Витебска. Ваши действия?» – опять спрашивала Москва.

– Ну, – грозно посмотрел на Суровцева Будённый.

– Позвольте бумагу и карандаш.

Телеграфист протянул Сергею Георгиевичу чистый лист бумаги и карандаш. Карта местности полностью «проявилась» в его голове. На рельеф местности накладывались зоны лесов, болот, лесостепи. На западе высились Карпатские горы. На северо-западе по обоим берегам Припяти легли почти непроходимые болота Полесья. Он явственно видел нитки грунтовых и железных дорог. Заняли своё место города и крупные населённые пункты. Словом, всё то, что в Академии Генерального штаба слушатели заучивали наизусть.

Он взял карандаш и стал быстро писать красивым почерком штабного офицера: «Считаем целесообразным удар южнее Полесья, через Ровно и Ковель в направлении на Брест-Литовск. При выходе на меридиан Бреста предполагаем соединение с соседом справа. Для совместных действий в общем направлении на Варшаву».

– Мне кажется, ответить следует так, – протянул он текст Будённому.

Тот прочел. Передал Ворошилову. Прочитал и Ворошилов. Кивнул.

– Пожалуй, что так, – согласился Семён Михайлович и, забрав листок из руки Ворошилова, положил его перед телеграфистом. – Стучи.

Не прошло и минуты, как текст телеграммы ушёл в Москву.

– Ты вот что мне скажи. Ты на митинге для красного словца говорил, что лично знаком с Брусиловым? – с подозрением спросил Ворошилов. – Врал, поди?

– Никак нет. Приходилось не раз встречаться. Я и с Поливановым знаком, – кивнув на «Правду» в руках Ворошилова, совсем удивил его Суровцев.

«Хотя чего удивляться, – размышлял Ворошилов, – знаком же сам я лично с Лениным, аж с одна тысяча девятьсот шестого года! Тогда на Четвертом съезде РСДРП, в Стокгольме, много с кем познакомился. Держинский, Фрунзе, Сталин, Бубнов, Артём, Калинин. Теперь это известные люди. А на следующем, Пятом съезде, впервые полюбовался на Троцкого. Запомнили друг друга. Теперь вот Троцкий и пакостит при каждом удобном случае».

– Что это у тебя? – суровый взгляд командарма остановился на газете в руке Ворошилова.

– Почитай, Семён Михайлович, – протянул Ворошилов газету командарму. – Шустрый ты больно, ваше высокоблагородие. У нас ещё этого номера «Правды» нет, а у тебя уже на руках.

– Это, если хотите, что-то вроде охранной грамоты, – без тени иронии ответил Суровцев на подозрительное замечание Ворошилова.

Будённый едва успел дочитать фамилии генералов, подписавших воззвание «Ко всем бывшим офицерам», как заработал телеграфный аппарат.

«Ваше мнение ясно. Принимайте к исполнению. Брусилов. Поливанов», – выдал телеграф.

– Что вы тут про Брусилова с Поливановым говорили? – вдруг запоздало заинтересовался Будённый.

– Да вот, он говорит, что знаком с обоими, – недобро улыбаясь, сообщил Ворошилов.

– А мы сейчас и проверим. Стучи, – снова обратился командарм к телеграфисту. – Просим подтвердить личность и факт знакомства с вами... Как тебя звать-величать? – спросил он Суровцева.

Рука с карандашом замерла в руке телеграфиста.

– Полковник Генерального штаба Мирк-Суровцев, – вытянувшись ответил Сергей Георгиевич.

– Как-как? – не расслышал Ворошилов.

– Мирк-Суровцев, – повторил Суровцев.

– Ты еврей, что ли? Вроде не похож, – удивился Будённый.

– Нет. Мать русская. Отец – обрусевший немец. Можно спросить и просто про Суровцева.

– Нет уж, спросим как полагается, – не согласился Ворошилов. – И пеняй на себя, если соврал.

– Просим подтвердить личность бывшего полковника бывшего Генштаба Мирка-Суровцева, – закончил диктовать телеграфисту Будённый.

«Так даже лучше, – думал про себя Суровцев, – должны генералы его вспомнить. Такая двойная фамилия вряд ли ещё существует в мире».

«Пусть прочтёт на память последнюю строфу Мицкевича из стихов о бывшей столице. Последнюю строку передайте», – вдруг выдал аппарат совсем уж неожиданный ответ Особого совещания при главнокомандующем.

Будённый переглянулся с Ворошиловым. Затем они в четыре глаза пристально поглядели на Суровцева. Суровцев с облегчением вздохнул. Улыбнулся. Он вспомнил вечер на квартире генерала Степанова, когда он на память читал хозяину и его гостю, тогда военному министру Поливанову, стихи «Пригород столицы» Адама Мицкевича. Вспомнилось, что Поливанов поразился тогда злобной точности строк польского поэта.

– Слушайте, – обратился Сергей Георгиевич к командирам Конармии.

Телеграфист приготовился записывать.

*У зодчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана, —*

прочёл на едином дыхании Суровцев.

– Передавай, – приказал Будённый.

«Что Петербург построил сатана», – передал телеграфист.

Ответ последовал почти сразу. «Личность подтверждаем, – гласила телеграмма, – считайте, что в карты выиграли толкового начальника штаба. Поливанов. Брусилов».

– Ишь ты! И что прикажешь с тобой делать? – вдруг неожиданно улыбнувшись, качая головой, спросил Будённый.

И если Будённый теперь улыбался, то Ворошилов стал неожиданно серьёзным.

– Гриценко его к себе просил. Начальник штаба ему опять понадобился. Пусть забирает, – предложил Ворошилов. – Но учти, военспец, в первый бой рядовым идёшь.

– Без начальника штаба иногда муторно, – согласился Будённый. – Вот и мы с марша в бой, а чтобы карты трофейные собрать, и руки не дошли. С конём дружишь, товарищ Суровцев?

– Приходилось и казаками командовать. Уважали.

– Ну, тогда дело точно пойдёт, – неизвестно чему радуясь, совсем разулыбался Будённый и протянул руку для рукопожатия. – Будем знакомы.

«Всё равно что кирпич в руке подержал», – невольно подумал Суровцев после рукопожатия. Такой большой, сильной и тяжёлой была ладонь командарма.

Глава 5 Знаки различия

1942 год. Февраль. Москва

Младшая стенографистка второго отдела НКВД СССР Лина Брянцева, чуть пригнувшись, точно вошла в просторный салон чёрного служебного «опеля». Стройной и миниатюрной Лине было просторно на заднем сиденье огромного автомобиля. Здесь без труда уместились бы три или даже пять таких, как она, девушек.

– Куда едем, мадам? – попытался пошутить водитель – молодой парень из числа стрелков срочной службы.

За семь лет московской жизни она так и не научилась отвечать на хамские шуточки молодых москвичей. Но сегодня был такой день и такое настроение, что она без труда нашлась что ответить. Постоянно сталкиваясь с устойчивым вниманием к своей персоне со стороны мужчин-начальников, она точно обрадовалась возможности достойно дать отпор рядовому чекисту:

– Дорогу забыл? У меня есть знакомый доктор... Попрошу его, чтобы освежил тебе память...

Несмотря на ее столь незрелый возраст и нежный голос, многозначительная угроза девушки произвела на молодого человека ошеломляющее впечатление. Он нервно задёргал ключ зажигания, несколько раз не к месту нажал ногой на стартер. Едва заведясь, машина сорвалась с места.

– А двигатель разогревать не надо? Балда, – беззлобно добавила девушка и улыбнулась.

Получилось, что водитель своей реакцией поднял ей настроение. «Да и с чего мне горевать?» – думала Лина. «Ну, отругал меня Судоплатов. Ну и что с того? Война идёт, потому все и ругают друг друга. За что хвалить? Немцы только что под Москвой были. Главное, что не отстранил от работы. А значит, всего через десять или пятнадцать минут увижу того, из-за кого только что отчитывали», – рассуждала стенографистка.

– Не могу же я Суровцеву сказать: «Товарищ генерал, возьмите меня с собой в Генеральный штаб», – несколько минут назад резонно заметила Лина начальнику отдела Судоплатову.

– Конечно не можете. Но знать, с кем он там встречался и по каким вопросам, вы просто обязаны, – скорее для порядка, чем серьёзно добавил Судоплатов.

«Ну, это Павел Анатольевич дал маху, – была уверена Лина. – Он ещё попросил бы снимать копии со служебных записок на имя Сталина, которые составляются в особой группе чуть ли не каждый день».

– Вы же шахматистка... Вы должны просчитывать несколько ходов вперёд...

– Шахматы – это совсем не то, что о них думают, – искренне ответила Лина.

Призёр всесоюзных шахматных турниров Лина Брянцева никогда не применяла шахматный подход к жизненным ситуациям. Напротив, жила скорее сердцем, чем умом. Но шахматы стали для неё той путеводной нитью, потянув за которую она разматывала теперь клубок собственной судьбы. Благодаря шахматным победам девушка, как было принято говорить из «пролетарской семьи», стала студенткой престижного Московского института физической культуры. Отучившись два курса, перевелась в ещё более престижный Московский институт философии, литературы и искусства, куда детям из пролетарских семей был и вовсе путь заказан.

Причиной перевода оказались средние физические данные, которые не позволяли ей быть успевающей в других видах спорта, которыми студент-физкультурник был обязан владеть. Чрезмерные физические нагрузки приводили уже к тому, что она стала давать худшие результаты по специальности – шахматам. Потом началась война. Заявление о добровольном вступлении в армию. Собеседование в военкомате. Диверсионно-разведывательная школа.

Ей нравилась её служба. Нравилось общаться с этими, ещё не полностью реабилитированными, занятыми невидимой, кропотливой и важной аналитической работой людьми. Она воочию видела, как особая группа маршала Шапошникова буквально разбирала завалы противоречивых сведений, боролась с хаосом в восприятии событий, ликвидировала информационные тромбы в понимании боевой обстановки. Буквально на её глазах группа перешла к экспертным оценкам приказов и решений управлений Генерального штаба и штабов родов войск.

Группа уже разбирала действия командования фронтов. Анализировала действия войск противника. Готовили также рекомендации по изменению учебных программ и планов для военных училищ и Академии имени К.Е. Ворошилова. Документы, созданные в особняке на Пречистенке, ложились на стол сначала к Шапошникову, а затем на стол кремлёвского кабинета самого Сталина. Военачальники самого высокого ранга не раз и не два имели возможность убедиться, что Верховный главнокомандующий не просто знает обстановку, а детально в ней разбирается. Как сказали бы позже, «он в теме».

16 октября 1941 года вместе с судьбой столицы решалась и судьба этого секретного подразделения. Начальник группы генерал Михаил Иванович Делорэ не питал иллюзий в отношении будущего своих подчинённых в случае захвата Москвы немцами. Эвакуации даже не предполагалось. Москву в тот день охватила паника, едва не превратившаяся в катастрофу. Охрана, как выяснилось позже, получила приказ: в случае прорыва противника уничтожить следы деятельности группы... Что ожидало личный состав, было понятно всем без слов и приказов. И никто их даже не хватился бы. Мало что кому объяснили бы и тела расстрелянных людей без всяких документов и облачённых в военную форму без знаков различия...

С началом нового 1942 года наладилась обратная связь с вышестоящим руководством. Всё чаще и чаще не только из Кремля, но теперь уже из Генерального штаба просили «поработать» тот или иной вопрос. И вопросы иногда оказывались самыми неожиданными. Эти задания и поручения всегда были из разряда особо секретных. Закрытый режим работы «шарашки» маршала Шапошникова, как её уже стали называть немногие посвящённые, исключал всякую утечку информации. Даже право выхода в город имели только руководители – генералы Делорэ и Суровцев, которые, впрочем, этим правом не пользовались. Идти им было некуда.

Точно азартный карточный игрок мешавшую карту, Суровцев, не скрывая раздражения, хлёстко бросил на рабочий стол брошюру из плотной серой бумаги. Генерал Делорэ вздрогнул от неожиданно громкого хлопка и обернулся.

– Давайте-ка, голубчик, чаю попьём, – предложил Михаил Иванович. – Я смотрю, вам сегодня решительно не работается. Идёмте, идёмте, – вставая со своего рабочего места, продолжал он. – Тем более вот-вот придёт ваша очаровательная помощница. Потом и других гостей встречать будем... Я, ей-богу, волнуясь.

Сегодня они против обыкновения оба были в генеральской форме. Вопрос о возвращении званий и наград их подчинённым окончательно ещё не был решён. С реабилитацией других работников группы руководство не спешило.

Суровцев встал, поправил ремень. Одновременно большими пальцами ладоней убрал складки на генеральской гимнастёрке. Военское звание его, как и у Делорэ, было генерал-лейтенант, о чём красноречиво говорили три звезды в петлицах и широкие полосы из золотого галуна на рукавах. Как и у Делорэ, на груди у Суровцева был орден Боевого Красного Знамени и юбилейная медаль «XX лет РККА». Эти знаки воинской доблести у Суровцева были абсолютно новые – ни единой царапины, ни единой потёртости. Тогда как орден и медаль Делорэ, это бросалось в глаза, были значительно старше.

Награждён Суровцев был в конце 1941 года за успешное проведение секретной операции на территории Финляндии. По словам начальника разведывательного управления НКВД Павла Михайловича Фитина, сам верховный распорядился ещё и о юбилейной медали.

– Не забудьте вручить задним числом юбилейную медаль, товарищ Фитин. Не нужно провоцировать окружающих на лишние вопросы. Пусть все видят, что генерал Суровцев все последние годы был в строю, – распорядился Сталин.

– Это что за книжицу вы так зло швырнули? – поинтересовался у Суровцева Делорэ.

Не далее как полчаса назад Суровцев поставил ему обезболивающий укол. Генерал в последние месяцы сильно болел. Несмотря на тяжёлую болезнь, руководитель группы не терял врождённого любопытства. Больные люди, как правило, эгоцентрики, мало интересующиеся делами окружающих. Но это не относилось к Михаилу Ивановичу.

– Можете посмотреть, Михаил Иванович, – разминая плечи после длительного пребывания за столом, ответил Суровцев.

Делорэ взял со стола своего заместителя брошюру. Дальнорезко отодвинув ладонь с книжкой на расстояние вытянутой руки, прочитал вслух заглавие:

– Инструкция по организации мелких местных партизанских отрядов.

– Вот-вот. Именно «мелких» и «местных», – не скрывая досады, подчеркнул Суровцев. – Главное политическое управление ничего другого не придумало, кроме как перепечатать инструкции времён Гражданской войны и интервенции.

Суровцев подошёл к своему столу, порывисто схватил обеими руками целую грудку книг.

– А вот этого всего будто и вовсе не было, – сказал он и в беспорядке свалил книги обратно на стол. – Давыдова не было! Фигнера не было! Вуича не было! Сухотина не было, – взмахивая рукой, произносил он фамилии отечественных военных, в разное время занимавшихся теорией партизанской войны. – Гершельман! Клембовский!

– Ну-ну. Не кипятитесь, – мягко произнёс Делорэ. – В конце концов нас здесь всех и собрали, чтоб мы давали конкретные и независимые рекомендации. А самое главное то, что наша работа нужна. Можно гордиться одним тем, что ваши последние труды получили одобрение на самом высоком уровне.

– Ваша правда, – успокаивался Суровцев. – Хотя мысль не наша. Сами знаете, чья это мысль. Я в этом деле технолог, и не более того. А день у нас сегодня действительно знаменательный.

– Идёмте в столовую, – забирая со стола пустые стаканы в медных подстаканниках, приказал Делорэ.

По широкой лестнице они спустились на второй этаж. В столовой был большой стол, покрытый белой скатертью с кистями. С украшенного старинной лепниной потолка свисала огромная хрустальная люстра на бронзовом каркасе с такими же бронзовыми цепями. В ближнем углу ещё один стол с огромным самоваром. В дальнем углу маленький кабинетный рояль.

Едва генералы вошли, следом за ними появился комендант объекта – лейтенант госбезопасности.

– Товарищ генерал-лейтенант, – обратился он к Делорэ, – прибыла Лина.

– Приглашайте её сюда, – распорядился Делорэ. – Что-то ещё?

– Звонили из наркомата обороны. Гости к нам также выехали.

– Что ж, пойдёмте их встречать. А вы, Сергей Георгиевич, встречайте нашу Лину прекрасную, – распорядился Делорэ.

При освобождении из тюрьмы и откомандировании в особую группу руководство НКВД обязало Суровцева писать ежедневные отчёты о своей необычной, новой деятельности. Это сильно его тяготило. Переговорив с маршалом Шапошниковым и взяв за основу работы принцип «не делать ничего, что приходилось бы потом скрывать», он уже сам попросил прислать ему стенографистку и машинистку в одном лице. С единственной целью – не тратить драгоценное время на отчёты. Точно издеваясь над бывшими арестантами, чекисты прислали на редкость красивую и привлекательную девушку Лину Брянцеву.

Небольшого роста, стройная, с красивой фигурой Лина уже первым своим появлением едва не сломала рабочий настрой, царивший в особняке. По делу и без дела в рабочий кабинет Делорэ и Суровцева зачастили с докладами все их подчинённые. Лина, как магнит – иголки, притягивала к себе мужской коллектив особой группы. Генералам пришлось одновременно проявить и железную волю командиров, и тактичную мягкость дипломатов.

– Товарищи командиры, – обратился к подчинённым Суровцев, – ваши сладострастные взгляды, обращённые к юной особе, совсем не уместны в вашем положении. Всякий, кто осмелится словесно, действием, даже взглядом, выказать неуважение к сотруднице аппарата наркомата внутренних дел, отправится по месту предыдущего пребывания... Даже невинный интерес будет расцениваться как нападение...

Разжалованные и до сих пор не реабилитированные подполковники и полковники и даже два генерала подавленно молчали. Так же молча, выслушала замечание и сама виновница всеобщего смятения. С Линой беседовал Делорэ:

– Голубушка, – по-отечески говорил Михаил Иванович, – военная форма положительно вам к лицу. Давайте закрепим именно эту форму одежды для работы. Пощадите и подчинённых, и меня, старика.

Суровцев невольно улыбнулся. Высокая грудь Лины, казалось, была особенно вызывающе хороша именно в военной форме.

– Дочь мне напоминает, – уже оставшись наедине, признался Делорэ Суровцеву. – А вы что, собственно говоря, улыбаетесь?

В ответ Сергей Георгиевич ничего сказать не мог. А что он мог сказать? Женат так никогда и не был. Детей не имел. Потому никаких чувств, даже отдалённо напоминавших отцовские чувства, по отношению к девушке он не испытывал. Но, в отличие от своих подчинённых, чисто мужской интерес к молодой девушке он скрывал то за нарочитой деловитостью, то за невинной ироничностью. Точнее, старался не допускать хоть какого-нибудь проявления интереса. Мотивация его поведения тоже была своеобразная: всю жизнь помнил, как глупо, нелепо и жалко выглядели зрелые и пожилые дамы, когда оказывали ему, привлекательному когда-то молодому человеку, знаки внимания.

И как неловко и противно было от этого ему. Грубо ответить не позволяло воспитание, а отозваться взаимностью было выше всяких сил. Приходилось разыгрывать из себя полного идиота. Дескать, о чём речь – не понимаю... Сама мысль, что какая-нибудь молодая особа будет думать о нём примерно так же, как он думал в молодости о своих навязчивых, зрелых поклонницах, отбивала у него всякое желание даже сказать невинный комплимент девушке.

Знал бы он, что именно эта его нарочитая отстранённость оказалась самой привлекательной чертой его характера в глазах Лины. Она сразу же выделила его из числа окружающих мужчин. Кроме отчётов Сергей Георгиевич диктовал ей проекты приказов и служебные записки в самые высокие военные инстанции. В последние дни стал диктовать проекты инструкций и, что особенно её поразило, проекты учебных пособий.

Девушка тоже находилась на казарменном положении. После работы в особняке её под охраной отвозили на Лубянку. Там она составляла отчёт за день. Потом расшифровывала стенограммы. Отпечатывала их в одном экземпляре и на другой день уже с распечаткой появлялась на Пречистенке. При встрече Суровцев забирал у Лины машинописный текст, продиктованный накануне. Поил стенографистку чаем с галетами. И пока она пила чай, редактировал документы.

Лина пила чай и искоса наблюдала за молодцеватым, несмотря на возраст, генералом. Она уже знала, что когда-то он служил в царской армии. Чтобы как-то развлечься, она пыталась представить его молодым человеком. Скорее всего, он был обычным смазливый офицером с усиками, каких показывают в кино про Гражданскую войну. А она терпеть не могла мужчин с усами. Наверное, потому, что в детстве их боялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.